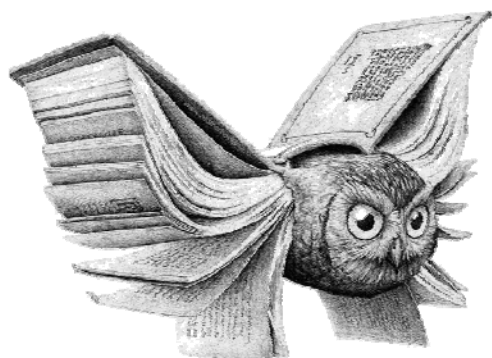
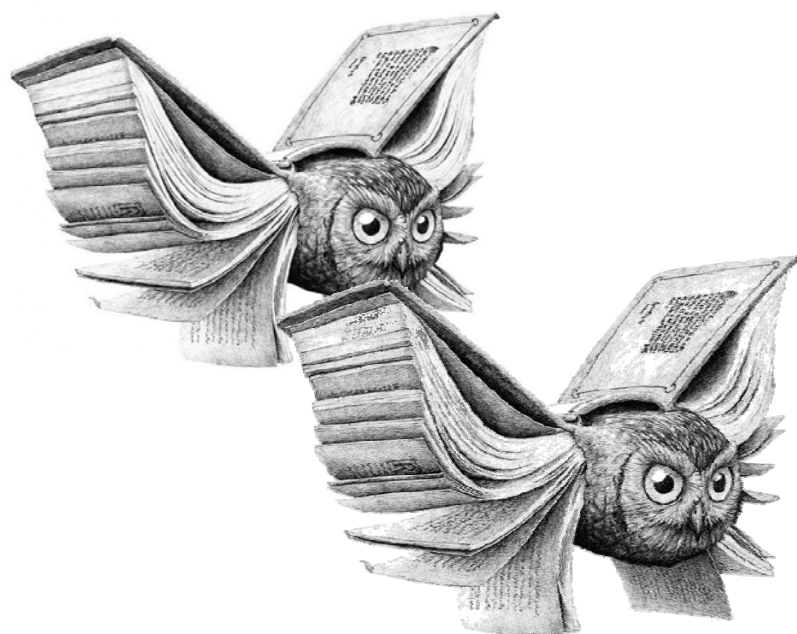

№ 4 (19)' 2020

СОФИЯПОЛИС

Электронный научный журнал
гуманитарных исследований

Редакционный совет

Арапова Э.Б. – кандидат философских наук, доцент Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики

Бернюкевич Т.В. – доктор философских наук, доцент кафедры истории и философии Национального исследовательского Московского государственного строительного университета

Иванова Ю.В. – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна Забайкальского государственного университета

Нестеров А.Ю. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Самарского национально-исследовательского университета им. академика С.П. Королева

Павлов А.В. – доктор философских наук, профессор, Тюмень

Главный редактор

Крылов Д.А. – доктор философских наук, президент Забайкальской гильдии политологов и социологов, руководитель школы "Новые софисты"

Редакционная коллегия

Горковенко А.Е. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Забайкальского государственного университета

Романов И.А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Забайкальского государственного университета

Черняк Е.Г. – директор Образовательного центра дополнительного обучения ЧОУ ДПО "ИнтеГРА", старший преподаватель кафедры политологии Забайкальского государственного университета

Янков И.В. – кандидат философских наук, независимый исследователь (г. Екатеринбург)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
РАЗДЕЛ I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	7
Крылов Д.А. Альтернативный путь в автократическом государстве в новейшее время: Российский излом	7
Амир Ст-н. Вдохнуть жизнь и преодоление энтропии	17
РАЗДЕЛ II. КУЛЬТУРОЛОГИЯ	32
Иванова Ю.В. Классическая теория искусства: Стилеобразование	32
РАЗДЕЛ III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	40
Романов И.А. Ценностные ориентиры студентов Забайкальского государственного университета – будущих учителей русского языка и литературы	40
РАЗДЕЛ IV. NEMO NASCITUR DOCTUS	51
Зейналова К.В. Интерактивная литература: проблема коллективного и индивидуального авторства	51
Коваленко О.А. Деиндивидуализация как условие формирования массового сознания в романе Джорджа Оруэлла «1994»	60
РАЗДЕЛ V. ЭКСПЕРИМЕНТ	68
Крылов Д.А. Окультизм в России или полный вперед в прошлое	68

ОТ РЕДАКТОРА

Назову эти свои заметки «Эко-бред или жизнь за углом». А почему бы и нет, и пусть поспорят со мною те, кто уже похоронил постмодерн. Да, я помню, мне об этом сказали, точнее, проорали хором, что эпоха завершена. Но неужели я должен поверить тем, кто еще вчера были симулякрами, а теперь в одночасье обрели статус оригинала. Кто вы? Где ваша ризома? Ау?!

Замечу, что покойник оказался довольно живучим и, скажем, ни одного свежего метанарратива так и не родилось, а внезапно очнувшиеся динозавроподобные фундаменталисты способны лишь указывать на покрытое пластами пыли прошлое. Им снится новое средневековье и плоский мир, лежащий на трех слонах. Главное, чтобы вслед за постмодерном не восстал модерн с его поисками человека разумного. Тем более что на подходе новые идеи, а там «вообще бардак». Да, псевдомодерн, альтермодер, метамодерн, диджимодерн и еще куча всяких модернов хотят вышибить ваши мозги.

Тем, кто привык копаться в прошлом в поисках вчерашних смыслов, страшно оказаться там, где наше бессмысленное существование осталось без надежды обрести однажды смысл. Разве Ницше не сказал вам, что вы либо изменитесь, либо вас не станет вовсе? Его «свободные умы» начисто лишены потребности в социальных нишах, лифтах, мундирах, оазисах, границах, требующих ремонта замках, выдуманных богах и высосанных из пальца предначертаниях. Это веселые, а не унылые и вечно озабоченные люди. Скажу по секрету, что я даже знаю одного из них.

Стоял ли Ницше у истоков постмодерна мне неизвестно, да это и не важно. Его идея «смерти Бога» как свежий ветер вынесла прочь вонь лицемерия и ханжества тех, кто возомнил себя пастухами человеческого стада. Естественно, что стало делом «чести» похоронить Фридриха Ницше и заявить о его душевном заболевании, как это сделал некогда борец с европейским упадничеством Макс Нордау в своем «Вырождении»: «Если читать произведения Ницше одно за другим, то с первой до последней

страницы получается впечатление, как будто слышишь буйного помешанного, изрыгающего оглушительный поток слов со сверкающими глазами, дикими жестами и с пеной у рта, по временам раздражающегося безумным хохотом, непристойной бранью или проклятиями, сменяющимися вдруг головокружительной пляской, или накидывающегося с грозным видом и сжатыми кулаками на посетителя или воображаемого противника».

Не слишком ли много эпитетов для характеристики того, кто, как считает критик, достоин лишь помещения в больницу для умалишенных? И, не правда ли забавна судьба произведения Макса Нордау, а на самом деле Симха Меера Зюдфельда, идеи которого о вырождении взял на вооружение Адольф Гитлер? Интересно, а кто возьмет на вооружение идеи нынешних гонителей постмодернизма и чего там после? Обскурантизм может быть и не столь очевидным, а, одевшись в тогу защитника «нормальных» людей, он становится праведным. Поразительнее всего то, что к этому процессу подключаются те, кто сами, по законам жанра, должны были приветствовать свободные интеллектуальные поиски. Им кажется, что они высмеивают вздор и восстанавливают научные аксиомы в их фундаментальных правах.

Так, Ален Сокал и Жан Брикмон, получившие известность благодаря «Интеллектуальным уловкам», предложили покончить с мистификациями на науке. Но начали они это делать весьма странно для серьезных ученых, с публикации собственной мистификации, которую представили как розыгрыш. После этого они обрушились на отцов-основателей модного интеллектуального течения Жана Бодрийера, Жюль Делёза, Жака Лакана и других, обвинив их в эпистемном и когнитивном релятивизме. Говоря современным языком, ребята поймали хайп на известных мыслителях. А шутники, думается, они еще те или прикидываются, что не понимают ценности текста, к которому и прибегают, т.е., в полном соответствии с их определением, сами являются релятивистами. В их как бы добрые намерения я не желаю верить. Как сциентисты-законники они суровы, требуя подчинения гуманитарных текстов строгим законам естествознания и отменяя

напрочь то, что и в науке известно как эксперимент. Интерпретации идей и игра со смыслом способны породить новые тексты, где вы не сможете обнаружить строгой бинарности плоского мышления. Не случайно, что Сокал и Брикмон оговаривают, что не затрагивают моральный релятивизм, так как их понимание относительности довольно специфичное. Они, думается, не далеко ушли от Платона, который считал, что существуют только истинные и оправданные мнения, которые и следует припоминать. Возможно, что именно эту однозначность в суждениях древнегреческого мыслителя и увидел Карл Поппер, когда объявил его предтечей тоталитаризма.

Когнитивный релятивизм, по их мнению, ведет философов к избыточному скептицизму и анархии, тогда как ученые «пытаются художественно достичь объективного познания мира». И эта позиция настораживает. Я не знаю, где и когда ученые взяли на себя эту великую миссию и отодвинули от нее философов, к которым имею честь причислять себя. И если я скептически отношусь к их точке зрения, то это вовсе не означает, что мне не приходится бороться с собственными представлениями, в том числе и с навязанными той средой, в которой приходится обитать *по случаю*. Хотя, осознаю, что с предвзятостью бороться почти невозможно.

Речь идет об избыточности утверждений, претендующих на тотальность. Сторонникам консервативного сознания вообще претит индивидуальность, которая постоянно убегает из охраняемого ими пространства. Не случайно, что автократическая братва постоянно говорит о ценности скреп. И те, кто выискивает соринки в глазах подозреваемых в вольнодумстве, вполне сносно живут с бревнами в собственных глазах. Самоирония для них исключается. Приходится сожалеть, скажем в духе Карла Крауса, что насмешки давно никого не убивают и до критиков постмодернизма, людей с калькулятором в голове, не дойдет тонкий юмор Юлии Кристевой: «Я разумнее или глупее Лакана? That is the question. "Менее расплывчато" математически говоря, или, наоборот, "более поверхностно"? <...> Я не настоящий математик, это само собой разумеется.

Но когда мне говорят, что я совершила насилие над литературой, приговор становится роковым. Нелегко сделать насилие над литературой. Которая только об этом и просит. Неужели я действительно дойду до этого? Это кстати недостаток? Не будет ли это скорее научной ошибкой? Неуважение к достоинству мышления? Угроза новому мировому порядку? Они в конечном итоге заставят меня поверить, что я была гением в 25 лет».

Мир, в котором реальность становится вчерашней, а я уже не тот человек, который начал писать это послание от редактора, стоит ли застывать или придется каждый раз бежать еще быстрее, чтобы задержаться на одном месте. Как рассуждал Жан Бодрийяр: «Сам анализ является, возможно, решающим фактором гигантского процесса обледенения смысла. Тот прирост смысла, который вносят теории, их конкуренция на уровне смысла абсолютно вторичны, сравнительно с их коалицией в обледеняющей, четырехуровневой операции по диссекции и транспарентности. Нужно четко осознавать, что, каким бы образом ни шел анализ, он движется в одном направлении – к обледенению смысла, он способствует прецессии симулякров и индифферентных форм. Пустыня разрастается».

Я не люблю пить чай, а люблю кофе, но кофе я пью с лимоном и без сахара. Выпив одну большую чашку с кофе, я начинаю думать о другой. Там обязательно должен быть лимон. Вы не хотите попробовать это удивительное сочетание горечи и кислоты? Приходится сожалеть, что даже те, кому недостает предельной новизны и свободы, не пожелали проникнуть в суть попираемого ими явления. Довольно быстро они заявили, что наступила эпоха пост-пост, где по некой, но отнюдь не тайной причине проступили черты архаического мироустройства. Так как там с симулякпами и парадигмами от них? А может быть все-таки «свободу Юрию Деточкину»? Постмодерн, конечно, виноват, но он... не виноват...

Хотя, про вас, господа симулякры, я так не скажу.

*Главный редактор «Софияполис»
Дмитрий Крылов*

I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 32

Д.А. Крылов
Забайкальская гильдия
политологов и социологов,
президент,
доктор философских наук
E-mail: dmdak@yandex.ru

D.A. Krylov
Trans-Baikal association
of political sciences and sociology,
President,
doctor of philosophical Sciences (PhD)
E-mail: dmdak@yandex.ru

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПУТЬ В АВТОКРАТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ: РОССИЙСКИЙ ИЗЛОМ

Аннотация: В статье сделан акцент на понимании того, что любые изменения в политико-социальном воспроизводстве, где все процессы детерминируются опытом прошлого, фактически невозможны. Если не произойдет глобальная трагедия или внутренний взрыв, то система властвования регенерирует и вернется к своей исходной форме. Внешняя форма при этом никакого особого значения иметь не будет. Авторитаризм в его самодержавной форме пронизывает политическую жизнь России на протяжении, по меньшей мере, 450 лет и был воспроизведен в современном государстве. Возлагаемые надежды на депутинизацию, по мнению автора, утопичны и не решат проблемы воспроизводства авторитарии в стране. Нужна имплозия, чтобы разорвать эту связь времен и прервать традицию.

Ключевые слова: Альтернативный путь, авторитария, круг «вечного возвращения», менталитет, бинарное мышление, имплозия.

ALTERNATIVE PATH IN AN AUTOCRATIC STATE IN MODERN TIMES: THE RUSSIAN BREAK

Annotation: The article focuses on the understanding that any changes in political and social reproduction, where all processes are determined by the

experience of the past, are virtually impossible. If there is no global tragedy or internal explosion, the system of power will regenerate and return to its original form. The external form in this case will not have any special significance. Autocracy in its autocratic form has permeated the political life of Russia for at least 450 years and has been replicated in the modern state. The hopes placed on deputinization, according to the author, are utopian and will not solve the problem of reproducing autocracy in the country. It takes an implosion to break this link of time and break the tradition.

Keywords: Alternative path, autocracy, circle of "eternal return", mentality, binary thinking, implosion.

Не является большим открытием то, что современная Россия вернулась к автократической традиции. Довольно непродолжительный период в 90-е годы, когда появилось так называемое «окно возможностей», завершился с приходом к власти В.В. Путина. То, что преемник был «спущен» сверху, не озадачило тех, кто должен был бы в этом увидеть сворачивание начинаний по демократизации страны. Фигура преемника не выглядела угрожающей, да и реальной альтернативы в тот момент предложить никто не мог. Будущая системная оппозиция в лице КПРФ и ЛДПР или Яблока не претендовала по-настоящему на власть. А ведь преемник не проводил митингов, не выступал с речами, не участвовал в дебатах и если бы его соперники смогли бы понять, кто нужен народу, то все могло сложиться иначе. Или не могло...

Здесь стоит обратить внимание на работы Александра Янова, считающего себя «историком русского национализма». Ученый довольно последовательно проводит мысль о том, что рано или поздно, но Россия должна вернуться на европейский путь развития. Произойдет же это тогда, когда страна откажется от 450-летней традиции самодержавия, которая неизменно возвращала ее к воспроизводству деспотии. Всего им было насчитано одиннадцать попыток избавления России от диктатуры самодержавия. Двенадцатая попытка будет связана уже с депутинизацией страны, что в принципе может произойти в скором времени [9].

Мы с большим сомнением относимся к тому, что в ближайшее время Россия станет другой, что по идее должно быть связано с серьезными изменениями в традиционном мировоззрении. Наше собственное видение проблемы состоит в понимании того, что пребывание в круге «вечного возвращения» на протяжении многих столетий не случайность, а фатальная закономерность или статистика. На это же указывает исторически сложившаяся система властвования – самодержавие, которое базируется на трех основах: самовластие, самозванство и самодурство. Дополнением к этому служит подданническая культура, закрепощающая народ и ставящая его жизнь в прямую зависимость от правителя.

Проблема здесь скрывается в том, что мы постоянно наталкиваемся на некие основания российского самодержавия, связанного с двумя источниками – византийским и татаро-монгольским наследием. Это наследие не отпускает нас и по ныне, и более того, именно в нем сокрыто противостояние Западу. Автократ-басилевс и хан-правитель обладали неограниченной властью, владели территорией и народами ее населяющими сообразуясь только со своими желаниями, капризами и представлениями. При этом внешняя форма демонстрации власти всегда играла роль ритуала и была вторичной. Китайским императорам, скажем, в этом плане было намного сложнее, так как вся их деятельность была регламентирована ритуалами и необходимостью выполнения культовых предписаний. Совсем иначе вели себя правители Европы, которых рассматривали как первых по знатности и благородству [4, с. 113]. С самого начала существовала система сдержек, скажем, в лице того же Папы Римского, норм римского права и договора.

Заметим, что возникшая в эпоху абсолютизма теория общественного договора несла в себе черты прежних представлений. В российской истории самодержавия такого не отмечается. А с обратившимся к этой идее А.Н. Радищевым расправилась самая просвещенная российская императрица Екатерина II. Самодержица могла спокойно рассуждать о просвещении, как о некоем благе для народа, связанного с искоренением суеверий, утверждением

идей разума и исправлением нравов. И совсем другое дело, признать природное равенство людей или утверждение одного из своих подданных о том, что «самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние» [7, с. 198].

О том, что деспотические правители могут себе позволить слабости, в том числе и игру в гуманистические идеи, сомневаться не приходится. Императрица, постоянно восхвалявшая своего «учителя» Вольтера, нисколько не сомневаясь, указала на то, что переиздание 69 томов его сочинений должно быть подвергнуто цензуре митрополита Московского [2, с. 48]. У А.С. Пушкина эта самолюбивая и хитрая женщина, предстает как самовластная правительница, которая развратила государство: «Но со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия – и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России» [6, с. 124].

Понимание того, что в России именно автократия должна рассматриваться в виде той самой национальной модели организации политической власти, возникло довольно давно. Скажем, современник Александра Радищева просветитель Иван Пнин писал: «Россия со времен Рюрика множество имела обладателей. Каждый из них более или менее напечатлел на оной свое могущество, и история с довольною точностию представляет нам как все оттенки оною, так и грубость тогдашних времен. Россия имела многих обладателей, но правителей мало» [Пнин, с. 180]. Не называя власть деспотической, он довольно точно проводит различие между управлением и властвованием. И даже признавая в качестве великого законодателя Петра I, он указал на то, что правитель не имел никаких ограничений и был движим сугубо собственными желаниями. Склонность

объяснять особенности поведения тирана состоянием невежественного народа здесь также имеет место, служа как бы цели оправдания. И это, думается, тоже одна из особенностей российского менталитета, где движение к цели признается более ценным и важным, чем понимание того, что осуществляется это движение за счет самих людей.

Не случайно, что власть стремилась к тому, чтобы всегда иметь людей в качестве ресурса, держать их под рукою и не столько за счет понимания взаимной ценности, сколько страхом и принуждением. Вступление в диалог или поиски общественного консенсуса выглядят в таком социуме нонсенсом, и будет указывать на слабую власть. Привычка или традиция как раз и оказывается той самой подлинной натурой.

Отметим, что традиции лицемерия в российской власти сохраняются и поныне. Рассуждения о демократии и либеральных свободах в наши дни не меняют ее внутренней сущности, где все отношения структурированы вокруг самовластного правителя. Поэтому остается востребованной и суровость деспота. Достаточно посмотреть на те образы, которые вызывают положительную реакцию в сознании современных россиян – Иван Грозный, Иосиф Сталин. Их тирания воспринимается как проявление никем не ограниченной воли и тотального подчинения людей, направленных на движение вовне. Именно этот доместикационный код держит массовое сознание в изначальной парадигме, где заложен культ правителя.

Естественно, что в этом процессе нет никаких гарантий, избежать деформаций, которые возникают в моменты появления слабых правителей. Сложение своих полномочий или отказ от власти автоматически превращают тиранов в короля Лира. Проблемой является и необходимость дополнения культа правителя мессианским культом, без которого отправление власти превращается в рутинное занятие, утрачивая способность производить аффекты. Благодаря мифологии и существующей бинарной системе оценок власть предрержащие могут создавать собственную реальность. Поэтому так важно сохранять именно бинарное мышление в его жесткой форме прямых

оппозиций и не допускать его трансформации в открытое для рефлексии тринитарное мышление. При этом и сами власть предержащие мыслят в бинарной парадигме, стремясь к собственной исключительности.

В этом мире никто не стремится меняться, сохраняется праалогическое мышление, отсутствует видение многообразия, ценности того, что не попадает в прокрустово ложе правильного. Выискивание соринки в чужом глазу оказывается важнее, чем осознание собственной ограниченности и близорукости. В этом мире возможна только конфронтация, вечный поиск врагов, во имя борьбы с которыми формируется отрицательная идентичность. Ведь и в самой этой идентичности заложено противопоставление на тех, кто правит и тех, кем правят. Подданные, как и слуги, не имеют права на собственное мнение, а их понимание свободы не связано с пониманием достоинства. У них нет потребности в осознанной защите своих интересов. Страх, раболепие, ложь и лицемерие в этом мире являются сутью всей системы, где отсутствует понимание того, что искусственная реальность – это вариации на тему кривого зазеркалья.

Системы бинарного мышления довольно неустойчивы, не обладают должной гибкостью, ригористичны, и сохраняются лишь благодаря постоянному давлению со стороны власти и пассивностью со стороны ограниченного в своих возможностях социума. Но вместе с тем они не могут создать условия полной закрытости от внешнего мира, где существуют иные структуры с известной долей более развитого мышления. И это усиливает их нестабильность, заставляет закручивать гайки для сохранения статус-кво, что рано или поздно должно приводить к срыву резьбы – имплозии. То, что в последующем потребуются новая резьба, в этот момент никто не думает. Не думают и о том, что в какой-то отдаленный период времени не останется ничего, на что можно было бы нанести резьбу. Именно тогда система «живущая в вечном круге возвращения» завершит свое существование. И это путь, как мы его понимаем, в один конец.

Возможна ли альтернатива? Разумеется, что мы можем продолжить линию на «демократический транзит», но для этого потребуется либо полная аномия прежней системы, либо очевидный для всех ее моральный износ и крах доверия к ней. Третья волна демократизации, как известно, откатилась там, где скалы авторитаризма не только выстояли, но и снова заявили о своей незыблемости. Оказалось, ссылаясь на рассуждения С. Хантингтона, Керенские смогли победить в Португалии, но их ожидало очередное поражение в той же России [8, с. 14-15]. Вместе с тем, отметим, что незыблемость не означала неизменность. Страх превратился из инструмента по управлению социумом в страх неуверенности в себе. Во всяком случае, нет прежнего блеска, а о величии говорят только как о восстановлении чего-то там утраченного.

Интересно, что в свое время русский философ Иван Ильин, писал о том, что Россия была создана сильной политической властью, что представляется как неизменное национально-политическое явление. Его неоднократно цитировали В.В. Путин, В.Ю. Сурков и другие российские политики. Есть подозрение, что некоторые из идей мыслителя были даже реализованы, скажем, рассуждения об особой государственной форме, в основание которой положена связь учреждений и корпораций. Но тот же Ильин указывал на ограничения для власти, которая не должна превращаться в тоталитарную и «всем распоряжаться»: «Дух человека живет не по приказу и творит не по принуждению. Заменить хозяйственно-трудовую инициативу человеческого инстинкта – нельзя ничем; предписывать человеческому духу любовь, веру, молитву, совместные движения души, чувство достоинства и чести, способы научного исследования и художественного созерцания – противоестественно и нелепо» [3, с. 429].

То есть если речь и шла о сильном авторитарном государстве, то философ указывал на его границы. Переходя за эти границы власть неизменно дискредитируется и надрывается. Избежать этого можно, только поддерживая свой духовный авторитет и придерживаясь принципов

«всемирного правопорядка». То есть, власти надо быть не только оформленной по праву, но и служащей праву [3, с. 433].

И именно с этим требованием, как мы понимаем, возникает непреодолимое препятствие. Разумеется, можно продолжать говорить о национальной идее, как о свободном созерцании собственного сердца, но вот избежать произвола, самодурства и насилия со стороны политических институтов не выйдет. Служебное начало не способно преодолеть низменного в проявлении человеческого своеволия, использующего государство в своих сугубо личных целях. Поэтому служение праву и оказывается эфемерным пожеланием, пригодным, разве что, для рассказа о прекрасном мираже.

Поэтому можно продолжить вслед за И. Ильиным и его последователями рассуждать о своем пути и своих задачах: «Россия имеет свои духовно-исторические дары и призвана творить свою особую духовную культуру – культуру сердца, созерцания, свободы и предметности» [3, с. 444]. Увы, вот только подобная поэзия пока не помогла нам пока обнаружить эти прекрасные дары. Практическое же значение этих идей явно иного плана и они служат самовосхвалению и презрению к другим народам, которые, так и не смогли понять «русскую душу».

Путинский метанарратив (отдельная тема в духе постмодерна) несмотря на всю свою гибридность не меняет исходного цивилизационного кода для отдельно взятой страны. Русский мир с его претензией на миропорядок, как и бремя русского человека, все та же эфемерность, рожденная мистификаторами от геополитики. И если уж они так хотели по-настоящему идти по этому пути, то им следовало бы не рассуждать об Америке и Европе, а приступить к освобождению Константинополя. И здесь мы подходим к пониманию того, что кризис в репрезентации политического режима связан с серьезными нарушениями в воспроизводстве исходного образа. То есть, перед нами та самая карта империи, которая давно существует сама по себе: «Территория больше не предшествует карте и не

переживает ее. Отныне карта предшествует территории – *прецессия симулякров*, именно она порождает территорию, и если вернуться к нашему фантастическому рассказу, то теперь клочья территории медленно тлели бы на пространстве карты. То здесь, то там остатки реального, а не карты продолжали бы существовать в пустынях, которые перестали принадлежать Империи, а стали нашей пустыней. *Пустыней самой реальности»* [1, 5-6].

То, что это аллегория не отражает реальности, Жан Бодрийяр оговаривает особо, так как на последней стадии своей так сказать эволюции, симуляция превращается в тотальную реальность. Жизнеспособность такой симуляции, думается, отнюдь не праздный вопрос, ответ на который мы можем поискать в рассуждениях Льва Гумилева о химерах. Только речь здесь должна будет идти не о симбиозе двух несовместимых этносов, а о исходном внутреннем конфликте между ордынским и византийским началами, дополненных конфликтом с современностью. Несмотря на то, что внешне все может выглядеть как довольно устойчивое образование, способное дать отпор врагам и недругам, внутренне оно будет испытывать все возрастающее напряжение от диссонанса несоответствий. И скрепы не спасали Россию от имплозии, тех социальных взрывах, которые запечатлены в ее истории, от крестьянских бунтов и восстаний, до революции 1917 года и распада Советского Союза в 1991 году. Что-то ожидает нас и в ближайшем будущем.

Да, имплозия это еще не конец и за ней может последовать преобразование. А может и не последовать и в этом случае, речь уже будет идти о катастрофе. Показательно, что Ж. Бодрийяр описывает процесс превращения в симулякра, но не говорит о возможности обратного превращения. Причина будет в том, что с этого момента «он вообще не имеет отношения к какой бы то ни было реальности, являясь своим собственным симулякром в чистом виде» [1, 12]. Именно по этой причине, все разговоры про «суверенную демократию» в России и оказались тратой времени впустую. Впрочем, вернуться в лелеемое прошлое также не получится и все разговоры о сохранении традиционных ценностей обречены на ту же участь.

Гипертрофированный центр страны Москва – это город, окруженный неравноправными территориями, данниками, имеющими статус субъектов, но субъектами за редким исключением не являющимися. Для этого даже используется термин «ассиметричная федерация», что лишний раз подчеркивает склонность к имитации, потемкинским деревням, изображения современной и прогрессивной страны на фоне сохраняющегося и оберегаемого убогого существования. Все разговоры о собственной особой духовности – это соединенные с маниловщиной хлестаковщина, ханжество и мракобесие. А имплозия? Да, в итоге мы уже имели «народ-богоносец», а позднее «советский народ». Результат известен, – это ментальная инволюция, которая зачастую предшествовала очередной имплозии. Теперь мы слышим, как говорят, «из каждого утюга», рассказы о патриотизме и ничего не слышим о духовной эволюции. Фактически это подтверждает наши рассуждения о симуляции, которая направлена на себя и, соответственно, не имеет будущего.

Поэтому, увы, в сложившейся ситуации приходится ждать очередной имплозии. Именно тогда окончательно может завершиться репрезентация автократического режима в России. Будучи гигантским политическим и физическим замкнутым на себя телом, которое утратило возможность к внешней экспансии и расширению своих границ, страна не может влиять на увеличение площади горизонта событий. И если прибегнуть к сравнениям с Черной дырой, в теоретических воззрениях Стивена Хокинга, то истечение замкнутых систем рано или поздно приводит их к завершению существования или испарению. Разумеется, речь здесь идет об аналогии, а не попытке вписаться в некую теорию всего. Вместе с тем, поиски общего дают нам богатый материал для проникновения в суть изучаемого явления.

Мы полагаем, что взорваться во вне экспансией в виде экономического процветания, цифровой революции, прорывных технологий и иных форм развития старый тип цивилизации не в состоянии, что говорится, по определению. Поэтому удел страны-цивилизации, сверхдержавы, достигшей

предела своего существования, – это взрыв во внутрь себя или имплозия. Здесь, перефразируя уже Бодрийра, мы видим процесс поглощения самого себя, когда «информация пожирает свой собственный контент. Она пожирает коммуникацию и социальное» [1, 111]. Мифогенная гиперреальность упразднит себя, а любая даже минимальная активность станет невозможной, ибо, то, что является источником энергии, мгновенно будет поглощаться и утилизироваться. Пассивность станет тотальной, детерминирующей все и вся по факту своего псевдо-существования. И вопрос будет только один: Когда? Когда гравитационные силы автократии достигнут предельного нулевого состояния?

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
2. Вольтер: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2013. 848 с.
3. Ильин И. Наши задачи. Статьи 1948 – 1954. М.: Айрис-пресс, 2008. Том 1. 528 с.
4. Ле Гофф Ж. Рождение Европы / пер. с фр. СПб.: Александрия, 2008. 398с.
5. Пнин И.П. Опыт о просвещении относительно к России // Русские просветители (от Радищева до декабристов). Собрание произведений в 2-х т. М.: Мысль, 1966. Т. 1. С. 179 – 231.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. Т. 8. 580 с.
7. Радищев А.Н. Сочинения. М.: Художественная литература, 1988. 687 с.
8. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 368 с.
9. Янов А.Л. Спор о «вечном» самодержавии: от Грозного до Путина. М.: Новый хронограф, 2017. 568 с.

УДК 32

Амир Ст-н,
независимый исследователь
e-mail: amirst-n@mail.ru

Amir St-n,

ВДОХНУТЬ ЖИЗНЬ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ЭНТРОПИИ

Аннотация: В статье затрагивается проблема, связанная с пониманием того, что процессы энтропии проявляют себя не столько в фоновом режиме, но и находят поддержку у части людей. Эти люди выступают в качестве агентов энтропии, саботируя любые инновации или дискредитируя их. Будучи системными консерваторами, они доказывают полезность отсталых форм жизнедеятельности. Преодоление сопротивления инертной среды, благоприятной для существования людей энтропии, должно привести к необходимым качественным изменениям эволюционного характера. В определенном смысле поспособствовать этому мог бы «второй модерн».

Ключевые слова: Люди энтропии, дистопия, торможение прогресса, эволюция, вторая природа, «второй модерн».

BREATHE LIFE AND OVERCOME ENTROPY

Annotation: The article deals with the problem of understanding that entropy processes manifest themselves not only in the background, but also find support among some people. These people act as agents of entropy, sabotaging or discrediting any innovation. Being system conservatives, they prove the usefulness of backward forms of life. Overcoming the resistance of an inert environment that is favorable for the existence of human entropy should lead to the necessary qualitative changes of an evolutionary nature. In a certain sense, the "second modern" could contribute to this.

Key word: People of entropy, dystopia, inhibition of progress, evolution, second nature, "second modern".

В фильме «Пятый элемент» на планету Земля летит некое Абсолютное Зло, которое с периодичностью в 5000 лет возвращается, чтобы уничтожить жизнь. В этот раз на его стороне действует фабрикант оружия Жан-Батист Эмануэль Зорг, прибегающий к услугам воинственных мангалоров для уничтожения пяти элементов. Только объединенная сила этих элементов способна спасти планету жизни от смерти. Зорг даже не догадывается о цели захвата пяти элементов, но с остервенением стремится способствовать Злу в

достижении своей цели. В определенном смысле он и сам воплощение зла, не ценящего человеческие и иные формы жизни.

В качестве другого примера, можно обратиться к мифу о «Девяти неизвестных». Этот миф в виде легенды стал известен в XIX веке благодаря французскому консулу в Калькутте Луи Жаколио, а получил популярность благодаря Талботу Мэнди. И тот и другой были сторонниками идеи великих тайн Востока, которые и использовали как писатели. Судя по всему, этот момент обычно опускается, а читателям предлагается история времен правителя Ашоки, который царствовал в Индии с 273 г. до н.э. В пересказе Луи Повеля и Жака Бержье мы можем узнать, что пораженный гибелью тысячи людей во время завоевания соседней страны, он решил прекратить войны и создать некое таинственное общество. Это общество должно было обезопасить человечество от последствий неуправляемого развития ума и зла, свойственного людям [8, с. 60].

То, как эти могущественные люди осуществляли свой контроль не известно. Но, судя по результатам тех же двух мировых войн XX века, со своей задачей они не справились или растеряли свое могущество за прошедшие 22 столетия. Поэтому некие подробности, связанные с обладанием ими неких специализированных книг ничего не дают для понимания того, почему они занимались науками, а не самим человеком в духе буддизма? Ведь правитель Ашока был сторонником буддизма и стремился к распространению учения Будды Шакьямуни.

Получалось, что проще ограничивать человека, стремящегося к развитию интеллекта, чем освободить его от привязанности к Злу. То есть, люди не должны в своей массе выходить за пределы простых мыслительных навыков. Они оказываются неспособными выйти за рамки тех стилей мышления, которые сформированы собственными социальными группами. Об этом пишет, в частности К. Мангейм, считающий, что установка на навыки не позволяет увидеть поведенческую картину целиком [7, с. 573]. Вместе с тем он вводит понятие «основополагающий мотив», имеющего

значение детерминанты. Именно такой детерминантой выступает консерватизм, выступающий в качестве идейного противника развития.

Благодаря Эдмунду Бёрку мы можем понять исходные мотивы этого течения мысли. Ведь он выступал ни много, ни мало, а в защиту «естественного общества». Он прекрасно осведомлен о пороках «искусственных обществ», но предлагает различать их по мере соблюдения там преемственности и почитания предков. «Угрюмое сопротивление новшествам» имеет для Бёрка и всех его последователей принципиальное значение [2, с. 163-164]. И если бы не его симпатии к либерализму, то он мог бы претендовать на роль идеального консерватора. Естественно, что среди консерваторов есть и либералы и даже палеоконсерваторы, но для нас более значимы те, кто ориентируется на незыблемость архаических автократических устоев. Да и правоверные этатисты из либеральных консерваторов не очень хорошо получаются.

В своем радикальном варианте консерватизм также получил идейное обоснование. Этому способствовала потребность в активном сохранении некогда обнаруженных ценностей и стиля жизни, направленных на сохранение установленного в древности порядка. И тот же либерализм воспринимался традиционалистами как угроза окончательного упадка и заката прежнего мира. В классическом своем выражении эти воззрения мы обнаруживаем у Освальда Шпенглера, которого принято считать идеологом немецкой «консервативной революции». В его «Закате Европы» мир, теряющий свою целостность, обрекается на распад и гибель. Спасти от этого можно только там, где части и индивидуумы строго закреплены целостностью культуры и цивилизации. Энтропийные процессы можно приостановить только возвратив стремление людей к целостному. В определенный момент он даже на короткое время поверил в подобное возрождение немецкой нации, признав движение национал-социалистов.

Свои воззрения на будущее немецкой нации Шпенглер изложил в работе «Воссоздание германского рейха», где отверг идеи либерализма и

права народа: «Найти тот принцип, который позволял бы прирожденным вождям появляться в том месте, где они требуются; создать политическое воспитание, которое пробуждало и развивало бы нужные для этого задатки и сдерживало бы задатки противоположные; сформировать такую традицию, которая осуществляла бы все это исподволь и незаметно доводила бы до совершенства – таков смысл всякой конституции как основного закона, определяющего всю жизнь народа – независимо от того, дарована ли эта конституция государем или же принята каким-то собранием, состоит ли она из параграфов или блюдетса в виде незыблемых обычаев» [10, с. 28].

Культ выдающихся правителей или успешных вождей, подчинение, верность, гордость за служебный мундир и порядок, – понятия говорящие об установлении автократической власти, а не о стремлении найти скрытые резервы, связанные с проявлением не связанной запретами воли. Воля здесь оказывается связанной только с деятельностью носителя власти. Его предназначение – воспитывать и дисциплинировать. Хотя, если подумать, не из этого ли детерминизма рождаются фатализм и пессимизм. Тем более, что с вождями далеко не все так просто, особенно с такими, которые, получив власть, начинают ее рассматривать с позиции человека с молотком. Возможно, что именно поэтому немецкий философ так высоко оценивает преимущества военного начала над гражданскими структурами.

Консерваторы всегда с тревогой относились к возможности появления достаточно большого числа людей свободных от предрассудков. Не случайно, что именно разум вызывал наибольшую неприязнь у тех, кто стремился сохранить мировосприятие на прежнем уровне. Мистика также совершенно не случайно по-прежнему востребована в социумах с преобладанием пралогического мышления. Поэтому и в XXI веке мы видим активных последователей учений Елены Блаватской, Георгия Гурджиева или Ганса Гербигера. Идеи последнего о борьбе льда и пламени, смене эпох, четырех спутниках Земли, возрождении наследников расы великанов, должны были приниматься на веру, а не обсуждаться. В их основании лежало движение,

которое и есть всё, а не развитие разума, с которым можно было не считаться: «Имеет значение только то, что вызывает движение. Преступление – тоже движение, а преступление против ума – благодеяние» [8, с. 291].

Вымышленная в политических целях национал-социалистическая или нордическая наука была противопоставлена науке евреев и либералов. В итоге в нацистской Германии наука превратилась в служанку оккультизма.

Но едва ли речь шла только о победе антиинтеллектуализма в одной отдельно взятой стране. В своей работе «Восстание против современного мира» итальянский традиционалист Юлиус Эвола выступает с позиций защитника иерархического устройства мира и противника «антропоцентрической» цивилизации современного общества [12, с. 24]. Его привлекает прошлое, где высшая сила находила свое воплощение в царях и вождях, а сакральное наделение властью противопоставляется им профанному избранию людьми. Это и есть истинная традиция, перед которой этот мыслитель благоговееет.

Но эта позиция, можно утверждать, сугубо автократическая, ориентированная на саму себя. Едва ли стоит забывать, что Юлиус Эвола в свое время сотрудничал со «Школой фашистской мистики» в Италии. Объявленная связь с высшим замыслом исключает идею служения своему народу, который не может рассматриваться вне связи с поклонением и обслуживанием власти и ее носителей. Не случайно, что даже в наши дни автократы и деспоты, которым приходится скрывать свою человеческую сущность и низкие желания, стремятся предстать носителями харизмы или «дара Бога». Тем самым, подчеркивается отличие от простых людей, которые не имеют права на собственную волю, а верования обеспечивают право правителя по факту их существования. Лишь только людям длинной воли под силу разрушить прежние связи, но действовать они будут по сходной схеме.

Поэтому, следуя классификации Макса Вебера, рационально-законная власть и вызывает раздражение у тех, кто видит в этом нарушение божественного права королей – *Divine right of kings*. И если принять во

внимание, что культ поклонения правителям был известен на всем протяжении известной истории человечества и у разных народов, то возвращение к этой традиции и есть ключ к пониманию сути движения в прошлое. И как заявляет Эвола: «Учение о двух природах – основа традиционного мировоззрения – отражается в отношениях, которые, согласно традициям, связывают *государство и народ*, демос. Идея, утверждающая, что государство берет свое начало в народе и в нем же имеет основу своей законности и смысла, является типичным идеологическим извращением, свойственным современному миру, свидетельством *регресса*» [12, с. 48].

Показательно, что традиционалист наших дней Александр Дугин пишет о таком явлении в русской истории, как опричнина Ивана IV. В его описании этой печальной страницы, нет ни слова о разорении страны и бедах людей. Он воспекает «грозную сакральность» и говорит о вечной парадигме опричнины, где все действия производят харизматичный правитель и его верные слуги. Оказывается, что они выполняли задачу борьбы со смертью и тленом, с энтропией, где воплощался высший сакральный замысел: «Опричники – псы царицы, собаки империи, которые истово служат имперской сакральности, воплощенной в православном царе и ставят эту сакральность выше всех остальных вещей» [5].

В этом более чем извращенном понимании роли «кромешников» в принципе невозможно углядеть ничего положительного. Никакой метафизики здесь нет, а только поведение капризного и охочего до крови властолюбца. И речь даже не идет о том, сколько крови невинной пролил царь в сравнении с чужими правителями, действовавшими аналогично «по законам времени». Поведение этих людей было детерминировано существовавшими традициями, воспитанием, психическими травмами и особенностями строения мозга. На последнее, в частности, указывает А.Н. Тетиор, считающий деспотов, диктаторов и тиранов заложниками филогенеза мозга [9]. Эти люди, действительно, не способны быть гуманными руководителями,

хотя, думается, и не по причине более сильного контроля за их поведением со стороны древнего мозга.

Но вернемся к рассуждениям А. Дугина, пишущего о консервативной революции и неоопричнине. Все то, что он говорит в итоге больше похоже на пропагандистский жест и очень смахивает на триаду Бенитто Муссолини об абсолютной ценности государства: «В неоопричнине ценность страны, Отечества, его мощь и могущество становятся абсолютными ценностями, которые в свою очередь позволяют измерить все остальное. Россия – вот истинная мера вещей. То, что ее и ее народ укрепляет, объединяет, усиливает – благо, все, что их ослабляет – зло. Так рождается "опричная этика". И даже если большинство граждан России так не думает, современные дифференцированные люди должны думать и поступать именно так. Родина Русь превыше всего» [5]. Гуру от геополитики и по совместительству философ-мистик явно оторвался от реальности, улетел, записав Ивана Грозного и его опричников в качестве образца для современных тиранов и их преторианцев. Востребованность монархии в XXI веке в том числе и для торжества эсхатологического триумфа не вызывает у него и грамма сомнений. Отсутствие рациональных доводов банально подменяется мистикой. Спорить же с подобными идеями бессмысленная трата времени, да и, сославшись на того же Мартина Хайдеггера, скучно.

И чтобы не быть голословным, поясним нашу позицию. Нагнетание мистики в случае с объявленным призванием и величием России, связано с провалом в идеях, где даже термин «Евразия» похож на попытку соединения омертвевшего и живого. Это некий гибрид, который лишен собственной оригинальности, который теряется между Западом и Востоком, так и не решаясь стать тем или другим. Даже выбор в пользу древности, оказывается стоянием между наследием Византии и Золотой Орды, зависанием в совершенно разных культурах. Хотя, думается, что этот своеобразный конвент из мистиков-традиционалистов еще не скоро успокоится. Как и различным предсказателям, им хочется влиять на судьбы мира исходя из

завышенных самооценок, сдобренных разговорами о близкой связи на духовном уровне с иным более могущественным миром и его представителями. И если бы не их абсолютная непригодность к администрированию, нас могло ожидать довольно зловещее будущее, начисто лишенное разумных начал.

В стремлении возврата в прошлое реактивисты видят абсолютное благо и активно критикуют технический прогресс, который, так или иначе, высвобождает человека из-под пресса прежних условий существования. Но они твердят лишь о порабощении человека техникой. Вся вторая природа рассматривается ими как энтропийная, паразитирующая на негэнтропийной первой природе. Стоит заметить, что, несмотря на различные цели, которые преследуют защитники экологии и традиционалисты, они явно близки в понимании того, что развитие человечества должно быть приостановлено. Еще в конце XIX века К.Н. Леонтьев не только выступал против эгалитарного либерализма, но и писал о том, что целиком и полностью разделяет мнение епископа Никанора Херсонского. В лучших традициях современных борцов за экологию и с привлечением как бы научного аппарата, тот призывал: «Явный вред и ясно предвидимая опасность быстрых путей сообщения заключаются в том, что мы скоро живем и торопимся жить. Быстрые современные сообщения развивают до неимоверности ту быстроту, с какою мы несемся неведомо куда, опасно, как бы не в бездну. Излишняя быстрота всегда и везде опасна» [6, с. 151].

При том, полагаем, всегда есть место сомнению и пониманию того, что люди не только заблуждаются, идеи традиционалистов и реактивистов или экологов могут рассматриваться на предмет их полезности. Но делать это следует только до определенного момента, не вставая на сторону тех, кто занимается подменой понятий и в развитии человечества видит регресс. Заботясь о некоем угасании духовной жизни людей, традиционалисты пекутся не о земном благополучии людей, а о метафизических благах для спасенных душ. Современные поклонники К.Н. Леонтьева склонны много говорить о зле

либерализма или фетишизации науки, необходимости «очищения умственного воздуха» и, даже, по-своему интерпретируют сатиру и извращают смысл сказанного: «Так, Грибоедов вкладывает эту идею в уста своего героя Фамусова: "Уж коли зло пресечь, Забрать все книги бы да сжечь". Не менее выразительна фраза Скалозуба из той же пьесы: "Ученостью меня не обморочишь"» [4].

В условиях довольно агрессивных нападков на естествознание, погружения в мистику и фундаментализм, рассказов о том, что наука многого не знает или заблуждается, мы получаем стройную систему по активному сдерживанию дальнейшего развития человечества. К этому добавляется критика западной цивилизации, ориентированной на общественный договор, свободного индивида и прагматизм. Ссылаясь на неспособность западной цивилизации достигнуть общего для всех счастья, консерваторы от автократии, указывают на необходимость возврата к неким почти утраченным культурным истокам. Считается, что там скрыты механизмы собственного развития, которые были подвергнуты деформации под воздействием вестернизации. Почему же тогда все предыдущее существование человечества так и не привело его до сих пор к торжеству духовного над материальным и низменным, никто не может объяснить. Ведь то, что не случилось, оказывается лишь сферой таких же фантазий, как и рассуждения о том, что должно по неким тем же основаниям вдруг произойти.

В силу своей явной ограниченности, связанной с замкнутостью на себя, традиционализм не приспособлен к конкуренции и подходит только для внутреннего использования. Для того чтобы выйти на уровень глобализма и стать мировым трендом, нужны очевидные доказательства своего превосходства. Традиционалистам крайне сложно, если вообще это возможно, принять идею, о которой пишет Ульрих Бек: «В радикально расколотом мире безопасность наступит только в том случае, если будет приемлемыми способами разбужена и станет повседневностью готовность и способность видеть мир спущенного с цепи модерна глазами других, т. е.

инаковость. В этом смысле создание космополитического common sense (*здорового смысла*), духа признания инаковости других, который пронизывал бы этнические, национальные и религиозные традиции и постоянно обновлялся во взаимном обмене» [1, с. 11].

Тем не менее, У. Бек возлагает большие надежды на «Второй Модерн», предполагающий формирование реального единства человечества. Во всяком случае, здесь можно увидеть выход из того тупика, который был порожден сопротивлением тандема традиционалистов и пассивного социума. Инертные массы, сформированные в условиях низкого горизонта событий, довольствуются упрощенными эмоциональными оценками и примитивными самоописаниями собственного превосходства. В условиях минимальной свободы ума и высокой степени зависимости от предрассудков такое подобие социума постоянно уходит от социальной жизни, превращаясь в массу лишенную слова [3, с. 11]. Причем, стоит обратить внимание, что Жак Бодрийяр недалеко ушел от подлинного описания распадающихся социумов. Таким социумом, скажем, является сегодня российский народ.

Заметим, что в нашем случае все движения, направленные на приручение «глубинного народа» и действия связанные с восстановлением духовных скреп, не могут привести к появлению активного социума. Причина здесь не только в состоянии народа, но и в лишенных конструктивной энергии традиционалистах и костной бюрократии. Да и особым интеллектуализмом они не наделены. Тех же, кто начинают вести себя избыточно самостоятельно, стремятся к собственному дискурсу, что говорится, уходят. Любые горизонтальные связи подвергаются деформации сверху. Продолжая перебирание побитых молью идей, сторонники светлого прошлого обречены на прозябание. Собственных идей у них нет. Тем самым, мы приходим к пониманию того, как действуют те, кого следует считать людьми или агентами энтропии. Все их разговоры про модернизацию и оптимизацию завершаются довольно печально. Ведь они не ставят перед

собой более высокие цели, а лишь желают восстановления мозаичного лубочного прошлого.

Пишущий о грядущей рефлексивной модернизации У. Бек считает, что второй модерн должен перейти в космополитический модерн, который нацелен «на осуществление альтернативного миропорядка, в центре которого окажутся политическая свобода, а также социальная и экономическая справедливость, а не законы мирового рынка» [1, с. 15]. Его, как мы видим, не привлекают идеи сторонников иерархии или элитаризма, тех структур, которые, так или иначе, устанавливают ограничения и мешают развитию духовного производства. Не будучи связанным предопределенностью, человек способен обнаружить новые возможности, понять их множественность. Важно в рассуждениях Бека и то, что речь идет о новом качестве гражданского общества, которое должно стать глобальным. Все прежние формы государств отходят в прошлое, их существование перестает быть целью в себе. И это, отметим, пожалуй, самый неприемлемый для традиционалистов прогноз.

Разумеется, мы не должны забывать про потребности идентичности и, соответственно, той иерархией, которая выстроена этими представлениями. Национальное государство втянуло в себя иные формы идентичности, став их вершиной. Естественно, что такая жесткая и во многом застывшая система не нуждается в рефлексии, стремится ее подавить. Инаковость здесь рассматривается как преступление перед нормами старой морали. Ограничения распространяются и на саму возможность плюрализма, который абсолютно неприемлем для авторитарных обществ. Более открытые общества допускают его, но многое здесь будет зависеть от способности не держаться за прежние ценности.

Понятно, что в существующей реальности, где идут процессы сворачивания развития, мы не видим условий для масштабного воплощения даже второго модерна. Эпизодически возникающие социальные группы не имеют необходимой степени авторитета и возможности непосредственного

влияния на массы. Те же, в свою очередь, не обладая навыками рефлексии, ригидны и продолжают придерживаться известных им поведенческих лекал. Даже если в таком социуме и осознается собственная несостоятельность в настоящее время, их сознание погружается в прошлое. Там они, точнее, их вожди и ангажированные интеллектуалы обнаруживают вдохновляющие миражи для настоящего. Сразу вспоминается про карго-культ. И хотя это отдельная ветвь для наших рассуждений, выскажем собственную гипотезу, ориентированную на понимание того, что послужило механизмом для распада Советского Союза. Здесь есть очевидная связь с неспособностью современной России к развитию и видению будущего.

Идея карго-культа базируется на описании культа поклонения дарам с неба в Меланезии. Возник он здесь во времена Второй Мировой войны, хотя как явление был отмечен гораздо раньше. Полученные туземцами от пришельцев из неведомого мира товары не связывались с тем, как их производят. Да и сами пришельцы не стремились выводить местное население на более высокий цивилизационный уровень. В лучшем случае пришельцев принимали за посланников богов, которым было поручено передать дары. Не углубляясь в описание этого процесса, обратим внимание на то, что в итоге все это вылилось в культ и ритуал.

Ведь именно поклонение потребовало появления особых жрецов, тех, кто взял на себя функцию посредников между людьми и высшими силами. Не менее важным моментом здесь было то, что население не имело ни малейшего представления о развитом производстве, верило в магию. И если мы попытаемся эту ситуацию перенести на Советский Союз, то увидим постепенную деградацию промышленности и науки, с одновременным усилением партийной номенклатуры, призванной обеспечивать обрядовое поклонение идее коммунизма. Возможно, что речь должна была бы идти о существовании рода жречества под видом номенклатурных работников и политических чиновников. Развитие интеллекта в этой среде не предполагалось. Поэтому, даже получив доступ к западным технологиям и

мировоззрению в постсоветский период, они не нашли ничего лучшего, как начать освящать неопределенное прошлое, утверждать культ патриотизма, верноподданничества и поклонения вождю. Люди, утратившие цель, достижение которой возможно было только благодаря личным усилиям, выбирают режим ожидания чуда. Таких людей становится все больше, и именно они начинают определять слабую жизнеспособность социума. Соответственно продолжает нарастать и энтропия, ощущения от которой усилились в последнее время.

Здесь стоит упомянуть идею Екатерины Шульман о «обратном карго-культе» [11]. Суть ее рассуждений сводится к тому, что те, кто должны были воспользоваться преимуществами более развитого мира, начинают его критиковать, указывая на общее несовершенство. Ведь, уделяя внимание постоянным заимствованиям, едва ли можно создать оригинал, но можно за него выдавать собственный гибрид. Таким гибридом, в частности, стала объявленная в России «суверенная демократия».

Возвращаясь к идее второго модерна, мы должны понимать, что разрыв с традицией неизбежен. Это тот путь, по которому еще предстоит пройти и, главное, не оглядываться, чтобы не превратиться в соляной столб. Да и дух перемен может оказаться с запашком, что будет, скорее всего, связано с возвращением к привычному, а не движением прочь от него. Поэтому здесь никак не обойтись без изменений в сознании людей, для которых потребность в рефлексии станет образом их жизни. И если будет принята точка зрения У. Бека, которую мы разделяем, то в прошлое должны будут отойти принципы освящения национальных государств. Они будут переосмыслены, а заодно переоценены ложные долженствования. Национальные предрассудки довольно живучи и за них цепляются те, кто уверен, что вместе с их исчезновением не станет и идентичности. Но именно эта парадигма и является основополагающей, имеет все признаки аксиомы и определяет пребывание человеческой цивилизации в своеобразном круге «вечного возвращения».

Список литературы

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007. 464 с.
2. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. М.: ОРІ, 1992. 413 с.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.
4. Владимиров А., Касатонов В. Ересь прогресса: наследие Константина Леонтьева // Красноярское время / URL: <http://krasvremya.ru/eres-progressa-nasledie-konstantina-leonteva/> (Дата обращения: 16.11.20).
5. Дугин А. Метафизика опричнины // Махпарк / URL: <https://mahpark.com/user/556697085/content/710960> (Дата обращения: 15.11.20).
6. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2007. Т. 8. Кн. 1. 639 с.
7. Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 697 с.
8. Повель Л., Бержье Ж. Утро магов / пер. с фр. К.: София, Ltd, 1994. 480с.
9. Тетиор А.Н. Множественный мир. Сетевое издание // Научная электронная библиотека Российской Академии Естествознания / URL: <https://monographies.ru/ru/book/section?id=17519> (Дата обращения: 15.11.20).
10. Шпенглер О. Воссоздание германского рейха / пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2015. 223 с.
11. Шульман Е. Практический Нострадамус, или 12 умственных привычек, которые мешают нам предвидеть будущее // Ведомости / URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/12/24/prakticheskij-nostradamus> (Дата обращения: 19.11.20).
12. Эвола Ю. Восстание против современного мира. М.: Тотенбург, 2016. 476 с.

II. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 7.03

Ю.В. Иванова
Забайкальский государственный университет,
профессор кафедры теории
и истории культуры, искусств и дизайна,
доктор философских наук
E-mail: ivanova@gmail.com

Julia V. Ivanova
Trans-Baikal state University,
Professor of the Department of theory
and history of culture, arts and design,
doctor of philosophical Sciences (PhD)
E-mail: ivanova@gmail.com

КЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ИСКУССТВА: СТИЛЕОБРАЗОВАНИЕ¹

Аннотация: В статье рассматривается понятие стиля в искусстве, его структура, динамика, роль в мировом художественном процессе. Большое внимание уделяется звериному стилю в древнем и средневековом декоративном искусстве и его возрождению в настоящее время.

Ключевые слова: Искусство, история искусства, стиль в искусстве, художественный процесс, ревайвализм, звериный стиль.

CLASSICAL THEORY OF ART: STYLE FORMATION

Annotation: The article considers the concept of style in art, its structure, dynamics, role in the world art process. Much attention is paid to animal style in ancient and medieval decorative art and its revival at the present time.

Keyword: Art, art history, art style, art process, revivalism, animal style.

Искусство, как известно, – это форма творчества, способ духовной самореализации человека посредством чувственно-выразительных средств

---

¹ Статья публикуется по: Искусство Забайкалья. Содержание и педагогические технологии образовательной сферы «Искусство»: материалы VII междунар. науч.-практ. конф. / Забайкал. Гос. Ун-т ; [отв. ред. М. И. Гомбоева]. Чита : ЗабГУ, 2020.

(звука, рисунка, слова, цвета, и других), создание образных и символических структур, которые обладают эстетическими, познавательными и коммуникационными функциями.

Искусство – весьма многозначное понятие и изучать его можно с разных точек зрения: исторической, этнической, территориальной, жанровой, личностной. Весьма эвристичен анализ искусства с помощью понятия «стиль».

Проблемы, связанные с понятием «стиль» в искусствоведении, давно обсуждаются учеными. Стиль понимается по-разному и характеризует явления разного масштаба – от индивидуальной манеры художника, до искусства целой исторической эпохи.

Стиль трактуют как сумму устойчивых признаков, характеризующих образную и формальную структуру, свойственную искусству той или иной исторической эпохи, совокупность устойчивых художественных форм, синтез искусств (архитектуры, скульптуры, живописи), присущих данному времени и народу. Стиль понимается как сложная, открытая и гибкая система, как феномен, трудно поддающийся формализации и детализации несмотря на применение эстетических, герменевтических и детерминационных подходов и изучение его системообразующих факторов – структуры, функций и содержания.

Понятие «художественный стиль» имеет множество трактовок:

1. Стиль – фактор творческого процесса, который помогает художнику в отборе изображаемого жизненного материала.

2. Стиль – фактор произведения, его существования как художественного целого. Стиль спасает от эклектики. выступает носителем эстетической ценности и художественного смысла произведения. Стиль – источник эстетического наслаждения искусством.

3. Стиль – фактор художественного процесса, он обеспечивает развитие традиции на новом основании, способствует взаимодействию искусства разных эпох.

4. Стиль – фактор художественного общения автора и реципиента. Стиль определяет характер эстетического воздействия произведения на аудиторию, ориентируя художника на определенный тип читателя, а последнего – на определенный тип художественных ценностей. В коммуникативном плане стиль – это закрепленная в художественном тексте программа взаимопонимания автора и читателя.

Структура стиля произведения сложна и многослойна. В эстетике выделяются несколько слоев художественного стиля.

Первый (глубинный, «порождающий») слой стиля – тематическая и интонационная общность культуры.

Второй стилевой слой – национальная стилистическая общность.

Третий стилевой слой – национально-стадиальный стиль.

Четвертый слой стиля – стиль художественного направления (общность, присущая всем произведениям данного направления).

Пятый уровень стилистической общности – индивидуальный стиль художника, отражающий особенности его художественного мышления.

Шестой уровень стилистической общности – стиль периода творчества.

Седьмой уровень стилистической общности – стиль произведения.

Восьмой слой стилистической общности: стиль элемента произведения

Девятый уровень стилистической общности – стиль эпохи, объединяющий все многообразие художественных явлений данной эпохи.

Закономерность художественного процесса: усложнение структуры произведения и нарастание в нем стилистических слоев, увеличение и различий и общностей с другими феноменами культуры.

Стиль – «генная» (порождающая) программа произведения, императивный приказ целого, повелевающий каждым элементом произведения.

История искусства нередко анализируется как череда сменяющихся стилей. Стили в искусстве не имеют четких границ, находятся в непрерывном развитии, смешении и противодействии, формируясь на протяжении

длительного времени и плавно переходя один в другой. У каждой эпохи свои эталоны красоты и гармонии, свое видение окружающего мира.

Стиль, как устойчивая совокупность образных принципов, позволяет изучать искусство эпохи в его целостности, единстве и взаимной связи его частей. Именно стиль позволяет проследить эволюцию творческой мысли, сопоставить различные школы в литературе, живописи, архитектуре и пр. Понятие «стиль» функционирует не только в рамках узкодисциплинарной проблематики, но и как междисциплинарное, полидисциплинарное и трансдисциплинарное исследовательское поле деятельности. Понятие стиля имеет особый статус и роль в искусствознании: в современной философии искусства и методологии науки он приравнивается к художественной парадигме. Современный уровень познания направлен на углублённое изучение элементов стиля в их модификациях, в их новых связях и комплексах.

Философизация стиля в искусстве прослеживается на рубеже XIX – XX веков в момент перехода истории искусства от истории отдельных художников к истории стиля. На протяжении XX столетия создаются разнообразные концепции и теории стилей в искусстве, от простых до сложных (Л. Келлен, Э. Панофский, Фрей). В России уже в 1920-е годы Габричевский пишет свои работы по теории и философии искусства и впервые постулирует философскую проблематику стиля. Самые значительные работы в области философии стиля появляются на рубеже тысячелетий. Современные исследователи, обобщая зарубежный опыт, создают оригинальные модели стилей и новые схемы их движения, одновременно сближая некогда обособленные концептуальные позиции. Так, мнимый конфликт между формальным искусствознанием (история искусства как "имманентная история формы") и содержательным искусствознанием (история искусства как "история духа") разрешается.

Большинство исторических стилей, пережив свое время, через многие десятилетия и даже века в той или другой форме возрождаются вновь. Ревайвализм – это возрождение забытого.

Примером является наблюдаемое сейчас возрождение т.н. звериного стиля. Звериный стиль – условное название художественных стилей в древнем и средневековом декоративном искусстве. Звериный стиль основан на стилизованных изображениях реальных и фантастических животных и частей их тела. Для звериного стиля характерно натуралистичное подчёркивание отдельных анатомических деталей в сочетании с линейной стилизацией и орнаментализацией.

Специфические приёмы стилизации зооморфных изображений вырабатываются в искусстве многих древних цивилизаций – Египта, Месопотамии, Ирана, Китая и др.

Звериный стиль может быть интерпретирован не только как связанный с определённой культурой, но и как отнесённый к разряду архетипического, то есть обладающего качественными особенностями и достаточно подобными образами на всём степном ареале.

Можно предположить, что в рамках звериного стиля евразийских степей I тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э. центральная идея транслируется через образы животных, выступающих как её своеобразные маркеры, а также выполняющие роль определённых символов: зооморфных и орнитоморфных персонажей.

Звериному стилю присущи диффузность, т.е. нечёткость противопоставления человека и природы, объекта и субъекта, а также принципиальная метафоричность, которая порождает целые ряды ассоциаций, слагаемых в определённую структуру связей.

Среди предметов обращают на себя внимание металлические (бронза, золото), деревянные и кожаные изображения животных. Украшались предметы, значимые для воина-кочевника, – конское снаряжение, вооружение, одежда, пояс. Известно большое количество бронзовых бляшек,

изображающих оленей с подогнутыми ногами, объемных и горельефных изображений стоящих баранов, стилизованных изображений др. животных, в основном хищников, украшающих навершия ножей, кинжалов и др. предметов вооружения.

Исходные формы в искусстве «звериного стиля» – образ оленя, барана, козла, свернувшегося кошачьего хищника, условной художественно-стилистической манеры изображения. Повторяемость сюжетов и определенных категорий предметов с изображениями зверей в канонических позах позволяют определять их как своеобразные знаки-эмблемы, фиксировавшие принадлежность конкретного человека к определенной этнической и социальной группе.

К звериному стилю иногда относят не только предметы мобильного искусства, но и так называемые оленные камни, распространенные в степях от Монголии и Забайкалья до Причерноморья. В основе их лежат стилизованные изображения человеческой фигуры, где детали, как правило, не показаны: голова не отделена скульптурно, а передана с помощью ожерелья. Для оленных камней характерны изображения оленей и др. животных в раннескифской позе, стоящих или стремительно летящих, устремленных вперед, вверх, с вытянутыми клювовидными мордами, развевающимся рогом и короткими ножками. Хронологически оленные камни всех территорий распространения датируются в пределах 8 – 5 вв. до н.э.

Реалистичность изображений сочеталась с определённой условностью: фигуры зверей располагались применительно к форме вещи, которую они украшали; животные изображались в канонических позах (скачущие, борющиеся; копытные с подогнутыми ногами; хищники – иногда свернувшимися в клубок). Прослеживаются условные приёмы и в передаче отдельных частей тела животного (глаза в виде кружков, рога – завитков, пасть – полукруга и т.д.). Иногда изображалась часть тела зверя, служившая

его символом (головы, лапы, когти зверей и птиц). Встречаются изображения зверей или их частей, помещенные на изображения др. животных.

Единство искусства номадов на всей территории евразийский степей проявилось в определенно и сравнительно небольшом наборе образов: предпочтение отдавалось хищникам (на ранних этапах, особенно семейству кошачьих), копытным (оленям), птицам, реже – фантастическим существам. Стилизованные профильные изображения оленей с составленными из завитков рогами, на «цыпочках» или в галопе, свернувшиеся в кольцо хищники, грифоны с огромными клювами стали признанными символами скифской эпохи. Локальные отличия в стиле изображения выявляются при рассмотрении систем художественных приемов. Звери, видовую принадлежность которых часто очень легко определить, изображались в канонических позах сами по себе и в композициях. Все изображения либо плоскостные, либо в выпуклом рельефе, выполнялись на различном материале (бронза, кость, рог, дерево и т. д.) и имеют одни и те же характерные особенности. Это общность композиционных приемов; обостренная выразительность, простота образов (выделение наиболее характерных свойств природы), достигаемая чаще всего деформацией; подчеркивание форм тела резко контрастирующими плоскостями; подчинение объемной фигуры или плоскостного изображения форме предмета. При этом видимое многообразие сводится к различным комбинациям весьма ограниченного числа сюжетных ходов – функций (перестановка, добавление элементов и т. п.).

Семантика оленных камней многозначна. Сами по себе вертикально установленные камни могут передавать фигуру человека (т.е. являться антропоморфными) и посвящаться умершему и погребенному под их сенью. Изображение кинжалов подчеркивает, что в данном случае идет речь о воине. Можно считать, что в оленных камнях отчетливо проявляется культ предков. Изображения колец исследователи определяют как солярные, т.е. солнечные, изображения. В китайской мифологии круг изображает небо; солнце и небо

дополняют друг друга. Фигуры лошадей выглядят на оленных камнях органично, поскольку соответствуют характеру жизни кочевников.

Наиболее сложным для интерпретации являются изображения оленей. Возникает вопрос, почему степняки-кочевники отдавали предпочтение образу оленя, а не другим, более типичным для степей животным. Ответ может содержаться в мифе об «олене – золотые рога», известном у многих сибирских народов. Однако смысл этого мифа заключается не только в том, что у быстрого, как бы летящего над землей оленя блестящие, отливающие золотым солнцем рога, но и в том, что рога у этого зверя необыкновенны по своей природной биологической силе. Употребление выполненных на их основе настоек полезно для поддержания и укрепления здоровья, особенно мужского. При таких оценках изображения оленей должны отражать заботу о продолжении рода и представления о вечной жизни.

Список литературы

1. Яковлева Н.Ф., Иванова Ю.В. Традиционная китайская живопись и ее роль в культуре Китая (научная монография) Чита: ЗабГУ, 2015. 221 с.
2. Гончарова Л. Ю. Звериный стиль в искусстве населения лесостепного Подонья в скифское время. Автореферат диссертации канд. исторических наук 07.00.06 Воронеж, 2001. URL: <http://cheloveknauka.com/zverinyy-stil-v-iskusstve-naseleniya-lesostepnogo-podonyu-v-skifskoe-vremya>
3. Гомбоева М. И. Художественные мастерские Восточной Сибири // М.И. Гомбоева, Д.В. Сергеев, Ю.В. Иванова, Е.П. Чанчикова, Л.А. Кириллова. Художественные мастерские в образовательном процессе. Чита: ЗабГУ, 2019. 147 с. С. 46-99.
4. Скифский звериный стиль URL: <http://ru-sled.ru/skifskij-zverinyj-stil/>
5. Дашилхамаев Д. М. Оленные и сторожевые камни Забайкалья // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30) История. С. 60-68.
6. Алкин С.В. Скифо-сибирский звериный стиль. Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. 368 с. URL: <http://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=7712>

III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 37.017

И.А. Романов
Забайкальский государственный университет,
доцент кафедры литературы,
кандидат филологических наук
E-mail: igorromanoff@mail.ru

I.A. Romanov
Trans-Baikal state University,
associate Professor in the Department of literature,
candidate of philological sciences
E-mail: igorromanoff@mail.ru

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СТУДЕНТОВ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА – БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. В работе представлены результаты анализа ценностных ориентиров студентов ЗабГУ – будущих учителей русского языка и литературы. Основанием для аналитической деятельности послужило анкетирование студентов, проведённое по методике М. Рокича в ноябре 2019 года. Выявленные приоритеты студентов заставляют задуматься над тем, насколько адекватно формирующийся образ учителя-словесника может соответствовать вызовам времени и современным реалиям.

Ключевые слова: Ценностные ориентиры, аксиологический аспект, терминальные и инструментальные ценности, опросник М. Рокича.

VALUE ORIENTATIONS OF STUDENTS OF TRANS-BAIKAL STATE UNIVERSITY – FUTURE TEACHERS OF RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE

Annotation: The paper presents the results of the analysis of the value orientations of ZabGU students – future teachers of the Russian language and literature. The basis for the analytical activity was a survey of students conducted according to the method of M. Rokich in November 2019. The identified priorities

of students make us think about how adequately the forming image of a language teacher can correspond to the challenges of the time and modern realities.

Key words: Value orientations, axiological aspect, terminal and instrumental values, questionnaire of M. Rokich.

Цель работы: выявление и анализ аксиологического аспекта саморефлексии студентов, обучающихся по направлению 44.03.05 «Педагогическое образование», профиль «Русский язык и литература. В свете проблем современного филологического образования, обсуждённых на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку 5.11.2019 [1], встаёт вопрос о том, кем является современный учитель русского языка и литературы, каково его лицо, что определяет его деятельность и интеллектуальную мотивацию? В этом аспекте наибольший интерес вызывает система ценностей современного учителя словесности.

Дело в том, что учитель-словесник не просто даёт обучающимся знания о предмете, но транслирует традиционные ценности, выработанные поколениями и воплощённые в произведениях русской классической литературы. Он, следовательно, через материал предметов «Русский язык» и «Литература» несёт ту аксиологию, которая в значительной степени определяет стратегию не только дальнейшего развития национальной культуры, но и нравственные приоритеты молодых граждан России. Это означает, что его роль в формировании уже ближайшего будущего страны не просто высока, но может быть обозначена как ключевая.

В качестве исследовательской базы был использован опросник Милтана Рокича, принятый и доказавший свою научную состоятельность в научном сообществе [2].

М. Рокич различает два класса ценностей – терминальные и инструментальные:

- терминальные ценности М. Рокич определяет как фундаментальные, как убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться;
- инструментальные ценности – ценности, определяющие образ действия, который является предпочтительным в любых ситуациях. По сути, речь идёт о различении ценностей-целей и ценностей-средств.

В исследовании принимали участие студенты 1 и 5 курсов, обучающихся по образовательной программе «Педагогическое образование», профиль «Русский язык и литература». 1 курс – 28 человек; 5 курс – 12. Им было предложено рассмотреть 18 терминальных и 18 инструментальных ценностей и расположить их по степени значимости в соответствии с личными приоритетами, то есть от 1 до 18 места. Таким образом, чем выше выставленный балл, тем ниже обозначенная ценность.

Выбор студентов 1 и 5 курсов, осваивающих одну образовательную программу, объясняется логикой исследования. Интересно пронаблюдать за ценностями студентов, только начавших обучение, и сравнить с ценностями уже завершающих его, прошедших активную педагогическую практику, создающих выпускную квалификационную работу и готовящихся к работе в школе.

Ранжировка

- Значимые, то есть предпочитаемые ценности (1 - 6) – 1 ранг;
- Безразличные ценности (7 - 12) – 2 ранг;
- Незначимые, по сути, отвергаемые ценности (13 - 18) – 3 ранг.

В результатах исследования использованы доминирующие (не медиальные) ответы и ранжированы в соответствии с определённой методикой. В обработке полученных данных указывается количество доминирующих ответов и (в скобках) соответствующий ранг.

Терминальные ценности

1. Активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни) – 9 ответов (2) у пятого курса и 16 ответов (1) у первого.

2. Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые благодаря жизненному опыту) – 6 ответов (3) у пятого курса и 14 ответов (3) у первого.

3. Здоровье (физическое и психическое) – 11 ответов (1) у пятого курса и 20 (1) у первого.

4. Интересная работа – 7 ответов (2) у пятого курса и 15 ответов (2) у первого.

5. Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве) – 8 ответов (3) у пятого курса и 22 (3) у первого.

6. Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком) – 11 ответов (1) у пятого курса и 18 (1) у первого.

7. Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных проблем) – 6 ответов (2) у пятого курса и 14 (2) у первого.

8. Наличие хороших и верных друзей – 8 ответов (1) у пятого курса и 14 (1) у первого.

9. Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, коллег) – 9 ответов (3) у пятого курса и 18 (3) у первого.

10. Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие) – 9 ответов (2) у пятого курса и 14 (2) у первого.

11. Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей) – 8 ответов (2) у пятого курса и 12 (1) у первого.

12. Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование) – 10 ответов (2) у пятого курса и 14 (1) у первого.

13. Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках) – 9 ответов (3) у пятого курса и 14 (2) у первого.

14.Счастливая семейная жизнь – 12 ответов (1) у пятого курса и 14 (1) у первого.

15.Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом) – 7 ответов (3) у пятого курса и 23 (3) у первого.

16.Творчество (возможность заниматься творчеством) – 9 ответов (3) у пятого курса и 14 (2) у первого.

17.Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений) – 7 ответов (2) у пятого курса и 16 (2) у первого.

18.Удовольствия (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей, развлечения) – 9 ответов (3) у пятого курса и 20 (3) у первого.

Инструментальные ценности

1. Аккуратность (чистоплотность, умение содержать в порядке вещи, четкость в ведении дел) – 6 ответов (2) у пятого курса и 19 (2) у первого.

2. Воспитанность (хорошие манеры, умение вести себя в соответствии с нормами культуры поведения) – 12 ответов (1) у пятого курса и 15 (1) у первого.

3. Высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания) – 12 ответов (3) у пятого курса и 19 (3) у первого.

4.Жизнерадостность (оптимизм, чувство юмора) – 9 ответов (1) у пятого курса и 16 (1) у первого.

5.Исполнительность (дисциплинированность) – 8 ответов (2) у пятого курса и 12 (3) у первого.

6.Независимость (способность действовать самостоятельно, решительно) – 8 ответов (3) у пятого курса и 15 (2) у первого.

7.Непримиримость к недостаткам в себе и других – 11 ответов (3) у пятого курса и 26 (3) у первого.

8.Образованность (широта знаний, высокий культурный уровень) – 8 ответов (1) у пятого курса и 12 (2) у первого.

9. Ответственность (чувство долга, умение держать свое слово) – 9 ответов (1) у пятого курса и 14 (2) у первого.

10. Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманые, рациональные решения) – 6 ответов (3) у пятого курса и 16 (2) у первого.

11. Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина) – 6 ответов (1) у пятого курса и 16 (2) у первого.

12. Смелость в отстаивании своего мнения – 8 ответов (3) у пятого курса и 14 (3) у первого.

13. Чуткость (заботливость) – 7 ответов (1) у пятого курса и 12 (2) у первого.

14. Терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения) – 10 ответов (2) у пятого курса и 14 (1) у первого.

15. Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки) – 7 ответов (1) у пятого курса и 14 (1) у первого.

16. Твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями) – 8 ответов (2) у пятого курса и 14 (2) у первого.

17. Честность (правдивость, искренность) – 9 ответов (1) у пятого курса и 12 (1) у первого.

18. Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе) – 5 ответов (2) у пятого курса и 14 (2) у первого.

Интерпретация результатов. Наблюдение за результатами опроса 5 курса дает основание для следующих выводов:

- Очевидный приоритет для студентов-выпускников имеют терминальные ценности, касающиеся личных интересов и частного пространства человека и имеющие вполне конкретное содержание: здоровье, любовь, счастливая семейная жизнь и наличие хороших и верных друзей.

- К незначимым ценностям студенты относят жизненную мудрость, красоту природы, общественное признание, свободу, счастье других и удовольствия. Содержательный аспект данных ценностей весьма абстрактен.
- Попадание в ранг незначимых ценностей удовольствий (из 12 ответов только в 1 анкете данная ценность оказалась среди значимых и в 2 среди безразличных) можно объяснить влиянием русской классической литературы, в значительной степени повлиявшей и продолжающей влиять на интеллигентское сознание. Для неё было характерно осуждение гедонизма, а получение удовольствий от жизни считалось чем-то постыдным. Этим же можно объяснить нахождение в ранге безразличных таких терминальных ценностей, игнорируемых в русской литературе, как материально обеспеченная жизнь и общественное признание, и в ранге незначимых инструментальной ценности высокие запросы (во всех анкетах занимает последнее место).
- Терминальные ценности, связанные с будущей профессиональной деятельностью, оказались в ранге безразличных: интересная работа, познание, продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей). И это не может не настораживать. Не случайно и инструментальные ценности, характеризующие будущего учителя-словесника, оказываются в этом же ранге: исполнительность, эффективность в делах, аккуратность.
- При этом такие личностные общепрофессиональные характеристики, как воспитанность, жизнерадостность, образованность, ответственность, самоконтроль, чуткость, широта взглядов, честность оказываются среди значимых.
- Терминальная ценность свободы попадает в ранг незначимых (из 12 анкет только в 1 она обозначена как значимая и в 2 как безразличная). Как следствие, в этом же ранге появляются и коррелирующие с ней

инструментальные ценности независимости и смелости в отстаивании своего мнения. Это также можно объяснить идейным воздействием уже практически изученной студентами русской литературы, развернувшей метасюжет о недостижимости свободы и о превращении её на русской почве в самоубийственное «своеволие» бунта (А. Пушкин, Ф. Достоевский, Л. Толстой).

- Незначимой оказывается терминальная ценность творчества (так она обозначена в 9 анкетах, еще в трех как безразличная). Это также симптоматично: завтрашние учителя русского языка и литературы воспринимают свою будущую деятельность не как креативный процесс, а как реализацию уже кем-то изобретенных методик и техник.

При **интерпретации результатов** опроса студентов 1 курса нужно иметь в виду следующие аспекты:

- студенты к моменту опроса только три месяца осваивали образовательную программу, поэтому можно говорить о ценностях, которые сформировались у них за годы учёбы в школе;

- в отличие от пятикурсников, студенты первого курса они ещё не получили систематические филологические знания, а следовательно, речи не может быть о серьёзном, комплексном влиянии на их мировоззрение классической литературы;

- ценностная система студентов-первокурсников не столь однородна, как система пятикурсников. Традиционно, в группах первого курса, и филологи не исключение, оказываются как студенты, сознательно выбравшие образовательную программу, так и поступившие «по наитию», «случайно», по причине наличия требуемой комбинации ЕГЭ. Поэтому обработка результатов опроса выявила парадоксальные моменты, каких не наблюдалось у пятого курса.

Выводы по результатам опроса первого курса в сравнении с результатами пятого

- К значимым ценностям большинство студентов первого курса относят здоровье, любовь, наличие хороших и верных друзей, счастливую семейную жизнь. Это полностью совпадает с выбором пятого курса. Универсальность данных ценностей объясняется их конкретностью и направленностью на личные интересы. Также значимыми для первокурсников оказываются активная деятельная жизнь, продуктивная жизнь и развитие, ставшие за годы обучения для студентов пятого курса безразличными.
- Незначимыми оказываются такие терминальные ценности, как жизненная мудрость, красота природы и искусства, счастье других. Их низкий ранг можно объяснить абстрактностью данных категорий, может быть, не совсем понятных первокурсникам. Впрочем, данные ценности игнорируются и пятикурсниками. Как и ценности общественного признания и удовольствия.
- Среди инструментальных ценностей лидируют воспитанность, жизнерадостность, образованность, терпимость, широта взглядов, честность. И здесь наблюдается почти полное совпадение с выбором пятого курса.
- Ценности самоконтроля и ответственности у первого курса попадают в ранг безразличных, тогда как пятикурсники определяли их как значимые. Видимо, эти ценности приобретают значимость в процессе учебы.
- Терминальная ценность свободы безразлична для первого курса (только в 5 анкетах из 28 она попадает в ранг значимых), тогда как для пятого вообще незначима. Как следствие, инструментальные ценности независимости и смелости в отстаивании своего мнения оказываются в рангах безразличных и незначимых. И здесь можно увидеть совпадения первого и пятого курсов, что можно объяснить не только общими психологическими чертами поступающих на данный профиль, но и

«филологической матрицей», характеризующейся рефлексивностью, приоритетом «внутренней свободы», социальной апатичностью.

- Безразлична для первокурсников ценность творчества, что снова сближает выбор первого и пятого курсов, где творчество вообще оказывается среди незначимых ценностей.
- Неоднородность группы филологов-первокурсников проявляется в высказывании диаметрально противоположных мнений по поводу некоторых ценностей. В результатах исследования обозначены ранги, отражающие численно доминирующие ответы, помимо которых существовали и другие. Например, в ранге незначимых с 14 соответствующими ответами оказалась ценность жизненной мудрости. При этом в 10 анкетах она попала в ранг значимых. 14 ответов определили ранг значимой ценности счастливой семейной жизни, тогда как ещё в 14 анкетах она определена в ранги безразличных и незначимых. Инструментальная ценность честности в 12 анкетах определена в значимые, а ещё в 10 – в незначимые. Для пятого курса это не характерно, выпускники показали гораздо большее единодушие.

Проведенное исследование ценностных ориентаций дает основание для обобщений, позволяющих обозначить доминирующие черты студента-филолога, готовящегося стать учителем русского языка и литературы. **Во-первых**, главным для него являются ценности личного благополучия (здоровье, любовь, счастливая семейная жизнь). **Во-вторых**, он признает значимость таких человеческих и профессиональных качеств, как жизнерадостность, честность, воспитанность, образованность, чуткость, широта взглядов. **В-третьих**, он не амбициозен, не имеет высоких запросов, не стремится к общественному признанию и материально обеспеченной жизни. **В-четвертых**, свобода, независимость, самостоятельность и смелость в отстаивании собственного мнения не являются для него важными. Это же касается ценности творчества. Вырисовывается образ честного

интеллектуала, грамотного «транслятора» чужих идей, вряд ли способного к улучшению окружающей реальности и собственной жизни, хронического патерналиста, надеющегося на государство, не умеющего и не желающего монетизировать полученные компетенции ради собственного же благополучия. Возможно, это и есть портрет учителя-словесника вне привязки к конкретному времени. Ценности русской культуры и литературы, с которыми он имеет дело, консервативны, а значит и его портрет весьма статичен. Проблема в том, насколько педагог с такой ценностной ориентацией будет соответствовать стремительно меняющимся реалиям современности.

Список литературы

1. Заседание Совета по русскому языку. Стенограмма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/61986> (дата обращения: 19.12.2019).
2. Методика М. Рокича «Ценностные ориентации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dip-psi.ru/psikhologicheskiye-testy/post/metodika-m-rokicha-tsennostnyye-orientatsii> (дата обращения: 19.12.2019).

IV. NEMO NASCICTUR DOCTUS

УДК 82

К.В. Зейналова
Забайкальский государственный университет,
Историко-филологический факультет,
магистрант
E-mail: ksenia.fedorova97@yandex.ru

K.V. Zeynalova
Trans-Baikal state University,
Faculty of history and Philology,
master's degree student
E-mail: ksenia.fedorova97@yandex.ru

ИНТЕРАКТИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПРОБЛЕМА КОЛЛЕКТИВНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО АВТОРСТВА

Аннотация: В статье рассмотрены формы авторства интерактивной литературы. Выявлены факторы, определяющие возможность деления авторства на коллективное и индивидуальное. Предложены критерии, отталкиваясь от которых возможно определить роль и место автора в интерактивной литературе.

Ключевые слова: Гипертекст, интерактивная литература, автор, читатель, соавтор, коллективное, индивидуальное, диалог.

INTERACTIVE LITERATURE: THE PROBLEM OF COLLECTIVE AND INDIVIDUAL AUTHORSHIP

Annotation: The article considers the forms of authorship of interactive literature. Factors which determine the possibility of dividing authorship into collective and individual have been revealed. Criteria based on which it is possible to define the role and place of the author in an interactive literature have been proposed.

Keywords: Hypertext, interactive literature, author, reader, co-author, collective, individual, dialogue.

Говоря об интерактивной литературе и разных её проявлениях, возникает вопрос, а есть ли у такой литературы автор и какова его роль. Как

отмечает М. Бахтин, «всякий текст имеет субъекта, автора (говорящего, пишущего). Возможные виды, разновидности и формы авторства» [1]. И интерактивная литература не является исключением.

По своей структуре интерактивная литература является гипертекстом, который подобно интертекстуальным теориям Р. Барта [2], Ю. Кристевой [5], и Ж. Деррида [6], разрушает понятие линейности текста: «we no longer read from beginning to end as if meaning were a matter of one word in a text following another»[14]. Гипертекстовые системы позволяют настолько отходить от того, что кажется основным текстом, что основной текст вполне может быть забыт или казаться просто еще одним текстом в межтекстовой, или в данном случае гипертекстовой, цепочке. Вспомним гиперроман Р. Лейбова, который существовал за счёт того, что носил коллективный характер. От основного текста в «Романе» в разные стороны разошлось множество сюжетов, порой, более развёрнутых и интересных, чем первоначальный фрагмент. М. Эпштейн говорит: «автор уступает место множеству гиперавторов, которые пользуются печатной установкой его тела для создания собственных художественных и мыслительных миров» [11].

О таком явлении также упоминал Джордж П. Ландоу, когда говорил, что некоторые гипертексты включают не только основной текст или набор текстов, а также созданные и добавленные читателями новые тексты, которые становятся частью всей гипертекстовой системы [15]. Следовательно, сам читатель становится соавтором такого текста.

Порой автор вступает в диалог с читателем по средствам опросов, которые прикрепляются в конце каждого отдельного эпизода или главы произведения для того, чтобы сами читатели определили, как в дальнейшем будет разворачиваться сюжет. Рассмотрим в качестве примера интерактивную историю, созданную по мотивам перевода манги (японского комикса) «Найкуи» («Волейбол») [13] и опубликованную в социальной сети «Твиттер» [7]. Данное явление – это подвид интерактивной литературы, но достаточно примитивный, поскольку история создана не в специальной

программе, а представлена в качестве поста в социальной сети с возможностью комментирования, что роднит её с гипертекстовым романом. Но также данный тип интерактивной литературы схож с визуальной новеллой, поскольку здесь используются изображения и спрайты, а сюжет истории основан на другом произведении.

Используя персонажей из оригинального произведения, создатель интерактивной истории придумывает, на чём завязывается сюжет, затем прописывает его в виде диалогов, которые при помощи навыков фотшопа помещает на определённое фоновое изображение, а после выкладывает в своём профиле в Твиттер. После того, как читатели ознакомятся с текстом, автор прикрепляет опрос, в котором предлагаются варианты дальнейшего развития сюжета. Все читатели голосуют за тот или иной вариант. После чего, отталкиваясь от того, какой вариант выбрало наибольшее количество читателей, создатель истории прописывает следующую часть сюжета, повторяя алгоритм.

Так, «автор стоит за своим романом, но не входит в него как авторитетный голос» [12]. Автор текста придумывает основной сюжет, продумывает характеры персонажей, но то, как будут развиваться события в дальнейшем, решают читатели, становясь, таким образом, соавторами текста. Важно, однако, отметить, что автор всё же ограничивает возможность читателей влиять на ход сюжета в процессе его создания, предоставляя им на выбор два или три варианта. А значит, данное творчество нельзя целиком и полностью назвать коллективным. Возможность внести свой вклад в процесс творчества воодушевляют читателей, но автор, будто серый кардинал, на самом деле всё уже решил. В ходе продумывания и создания сюжета в сознании автора появляется множество ответвлений от основного действия, большое количество вариантов развития событий, т.е. сам процесс творчества является в некотором смысле гипертекстом.

Интересно, что по факту единственным серьёзным и полностью коллективным интерактивным произведением является гиперроман

Р. Лейбова «Роман», который был создан лишь с целью изучения создания и восприятия гипертекста. Отметим, что М. Эпштейн называет данный гиперроман фольклорным. Однако учёный отмечает, что «Интернет и есть самое удобное место для фольклорного творчества, к которому в любой момент может присоединиться любой желающий» [11]. В подтверждение этого отметим, что в настоящее время в социальной сети «Твиттер» как раз можно встретить множество коллективных мини-историй, напоминающих гиперроман Лейбова и созданных как спонтанно, так и запланировано. Возможно, это связано с тем, что сама система создания твитов и написания комментариев к ним образует множество веток, создавая гипертекст и предоставляя шанс для написания ответвлений от основного твита любому пользователю социальной сети.

Однако в большей степени произведения интерактивной литературы всё-таки создаются одним автором. Рассмотрим сборник интерактивных историй «Клуб Романтики» [4], поскольку его разработчики являются одними из немногих, кто делится процессом создания новелл (от написания историй до тестовой загрузки) и активно взаимодействует с пользователями. В данном приложении на сегодняшний день представлено тринадцать историй для прочтения, из которых полностью завершены семь, шесть находятся в разработке (главы выходят раз в месяц), а одна и вовсе стартовала только в ноябре 2020 года (прим.: поскольку приложение обновляется каждый месяц, данные о количестве и завершённости историй меняются в зависимости от выхода обновлений). Автором каждой из историй является отдельный человек. У команды разработчиков данного приложения принято активно взаимодействовать с читателями, и авторы не являются исключением. Как правило, они, используя социальные сети, выстраивают диалог с читателями следующим образом: отвечают на часто задаваемые вопросы, дают комментарии о выпущенных главах, рассказывают о процессе написания глав и т.п. На сайте фандома «Клуба Романтики» есть отдельная рубрика «автор на связи», где поклонники приложения могут задать интересующие их вопросы

непосредственно авторам историй. Также авторы учитывают желания читателей и иногда немного меняют сюжет, например, добавляя ветки (прим.: ветка – возможность главной героини строить романтические отношения с тем или иным персонажем).

Иногда обстоятельства складываются так, что один автор в команде разработчиков «Клуб Романтики» пишет несколько историй. Так было, например, в случае с Алисой Паломарь – автором истории «Тени Сентфора». Когда данная история подошла к завершению, Алиса начала писать новую – «Секрет небес». Обе истории имеют большую популярность, но относятся к разным жанрам: «Тени Сентфора» – хоррор, «Секрет небес» – фэнтези.

Важно отметить, что Алиса долгое время не хотела «выходить в свет», но в марте 2020 в социальной сети «ВКонтакте» она выложила пост, где заявила читателям: «... мне стало действительно неудобно, что я, получается, вас игнорирую. Поэтому я решила ответить тут на основные вопросы. Все остальные вопросы прошу вас задавать в этом посте» [10].

Однако несмотря на активное взаимодействие всей команды разработчиков с аудиторией, написание историй для «Клуба Романтики» носит индивидуальный характер. Бесспорно, время от времени авторы прислушиваются к читателям (прим.: т.к. именно от читателей и их интереса к приложению зависит заработок разработчиков), но построение основного сюжета, его ответвления остаются исключительно за автором.

Особняком в вопросе авторства и взаимодействия с читателями в процессе написания стоят визуальные новеллы. Визуальная новелла – компьютерный квест с использованием мультимедиа, имеющий оригинальный сюжет или созданный по какому-либо фандому. В некотором смысле визуальная новелла – интерактивный фанфик/фанфик, подразумевающий вариативность. А, как известно, фанфики пишутся одним (реже двумя и более) автором без участия читателей в создании сюжета и формирования характеров героев. Соответственно, визуальные новеллы пишутся также: автор продумывает сюжет, пишет на его основе сценарий со

всеми ответвлениями, который позже переносится в одну из специальных программ для создания визуальных новелл, добавляет мультимедиа включения и при необходимости различные инструменты (возможность ввести имя, выбрать пол, добавить вспомогательное меню и т.п.).

Отметим, что у авторов визуальных новелл присутствует интересная особенность – они не называют настоящее имя, а используют псевдоним также как и авторы фанфиков. Например, автором компьютерного квеста «Оглядываюсь, но бегу» [8] (прим.: является новым и популярным в библиотеке визуальных новелл на русском языке), написанного по оригинальному сюжету, является человек, который использует псевдоним Chris Nerson. Чаще всего авторы визуальных новелл берут псевдонимы в следующих случаях:

1) для соответствия имени тематике и/или жанру новеллы;

2) нежелание, чтобы о том, что человек пишет квесты, узнали окружающие;

3) для эффектности – история в жанре средневекового фэнтези охотнее будет читаться, если её автором будет некий Chris Nerson, нежели простой «русский Иван».

Отдельная глава, сохранённая в библиотеку визуальных новелл, является полноценным гипертекстовым произведением, компьютерным квестом. При необходимости в неё можно внести изменения, но это может повлиять на сюжет: корректировка даже одного текстового блока может нарушить заложенный в программу алгоритм. В связи с этим авторы даже при недовольстве читателей не изменяют сюжет новеллы. Потеря аудитории для них не является трагедией, так как визуальные новеллы чаще всего пишутся в развлекательных или образовательных целях, не преследуя коммерческий интерес.

Так, независимо от того, является ли авторство в интерактивной литературе индивидуальным или коллективным, «автор преодолевает литературное сопротивление чисто литературных старых форм, навыков и

традиций» [1]. Авторы интерактивных историй выходят за рамки привычной формы существования литературы и создают произведения, отвечающие потребностям современного мира и включающие взаимодействие с читателем, использование сети Интернет и компьютерных технологий для создания «объёмных» историй, погружающих в свой мир.

Заметим, что между интерактивной литературой, где автор взаимодействует с читателями в процессе создания текста, делая их соавторами, и компьютерными новеллами, написанными полностью одним автором, помимо всего прочего есть одно принципиальное различие. В сюжет историй первого типа в любой момент можно внести изменения в зависимости от мнения читателей и желания самого автора, поскольку для создания таких историй не требуется никаких технических ресурсов кроме социальной сети. Относительно второго типа всё намного сложнее - внести изменения в сюжет может лишь автор и только при создании новой главы. Уже готовые главы истории невозможно изменить поскольку, во-первых, изменение даже одной фразы может привести к сбою всего сюжета, а во-вторых, нельзя забывать, что это уже готовый продукт, загруженный в специальную библиотеку или магазин приложений.

Однако у представленных типов интерактивной литературы можно найти и сходство: в отличие от обычной литературы, где автор предоставляет читателю только один вариант развития событий, без возможности влияния на сюжет, в интерактивной присутствует несколько, однако они уже продуманы (прописаны) автором независимо от того, взаимодействует ли автор в процессе создания текста с читателями или нет.

Также, говоря об авторстве нельзя не затронуть вопрос о читателе интерактивной литературы. «Высшая мечта автора: превратить читателя в зрителя» [9] – говорил В. Набоков. Как нельзя лучше смысл этой цитаты реализуется именно в интерактивной литературе – читатель не просто читает текст, он, слыша аудиосопровождение, видя анимацию, изображения, спрайты, полностью погружается в сюжет и сам становится персонажем истории.

«Здесь, бродя по третьему измерению, открытому для литературы компьютером, мы перестаем быть пассивными читателями, чтобы занять место соавтора» [3].

Однако нужно отметить, что читатель не становится соавтором в классическом понимании – он, воспринимая уже написанный автором текст, каждый раз делая выбор из множества предложенных в ходе истории и получая информацию в виде различных мультимедийных средств, выстраивает свою историю, отличную от других читателей. Как отмечает А.Генис, у разных читателей разным будет и текст, а успех прочтения «зависит от усилий, опыта и даже таланта» [3].

Таким образом, авторство в интерактивной литературе можно разделить на два типа: коллективное и индивидуальное. Однако это деление является весьма условным и зависит от различных факторов: форма существования интерактивной литературы (размещение в социальной сети, библиотеке визуальных новелл, магазине приложений для смартфонов), сложность структуры (от поста и комментариев в социальной сети до приложений, созданных при помощи специальных компьютерных программ), цель создания произведения (рассмотрение гипертекста на практике, развлечение, коммерческая выгода и мн.др.).

Эти факторы могут по-разному сочетаться в разных интерактивных историях, поэтому нельзя утверждать, что все гиперроманы являются плодом коллективного творчества, а все интерактивные новеллы – индивидуального. Мы лишь предлагаем критерии, отталкиваясь от которых возможно проанализировать роль и место автора в конкретном гипертекстовом произведении. Однако точно можно сказать следующее: чем проще по своей структуре интерактивное произведение, чем меньше в его создании задействовано компьютерных технологий, тем больше возможностей предоставляется читателям для становления соавторами такой истории.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер с фр. М.: Прогресс, 1989. - 616 с.
3. Генис А. Гипертекст - машина реальности // Иностранная литература, 1994. № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/inostran/1994/5/gipertekst-mashina-realnosti.html> (дата обращения: 24.11.2020).
4. Клуб Романтики – мои истории. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://play.google.com/store/apps/details?id=com.yourstoryinteractive.sails.pirate.adventure&hl=ru&gl=US> (дата обращения: 24.11.2020).
5. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. 2004. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОС-СПЭН), 2004. 656 с.
6. Интервью с Жаком Деррида // Arbor Mundi / Мировое древо. Вып. 1. М.: Мировое Древо, РГГУ ИВГИ, 1992
7. Интерактивная АУ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://twitter.com/h_headcanons/status/1299817879790071810?s=20/ (дата обращения: 25.11.2020).
8. Оглядываюсь, но бегу. Библиотека новелл. Интерактивные новеллы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lib.axma.info/alFQr95c/> (дата обращения: 30.11.2020).
9. Набоков В. Отчаяние [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/otchayanie/predislovie.htm> (дата обращения: 29.11.2020).
10. Паломарь А. Секрет небес [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://m.vk.com/wall508317763_4?offset=1&reply=8 (дата обращения: 28.11.2020).
11. Эпштейн М. О виртуальной словесности. – 1998. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/read/epshteyn_mihail/o_virtualnoy_slovesnosti.html (дата обращения: 26.10.2020).
12. Allen G. Intertextuality – London, 2006 – 238 p.
13. Хаiku. Манга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mangalib.me/haiku/> (дата обращения: 20.11.2020).
14. Landow George P. What is the Victorian Web? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.victorianweb.org/> 14.03.2020.
15. Landow George P. Hypertext: The Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology. – Johns Hopkins University Press, 1992. 242 p.
16. University Press, 1992. 242 p.

О.А. Коваленко
Забайкальский государственный университет,
Историко-филологический факультет,
магистрант
E-mail: olga-alf.kovalenko@yandex.ru

O.A. Kovalenko
Trans-Baikal state University,
Faculty of history and Philology,
master's degree student
E-mail: olga-alf.kovalenko@yandex.ru

ДЕИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В РОМАНЕ ДЖОРДЖА ОРУЭЛЛА «1984»

Аннотация: В статье рассматриваются признаки искусственного формирования массового сознания в романе Джорджа Оруэлла «1984». Выявлены представленные в романе способы деиндивидуализации личности и механизмы поддержания стабильности типизированного сознания, лишённого способности критического восприятия реальности.

Ключевые слова: Массовое сознание, манипуляция, деиндивидуализация, роман, абсурд, гротеск.

DEINDIVIDUALIZATION AS A CONDITION FOR THE FORMATION OF MASS CONSCIOUSNESS IN GEORGE ORWELL'S NOVEL "1984"

Annotation: The article examines the signs of the artificial formation of mass consciousness in the novel "1984" by George Orwell. The methods of deindividualization of the personality presented in the novel and the mechanisms of maintaining the stability of typed consciousness, devoid of the ability to critically perceive reality, are revealed.

Keywords: Mass consciousness, manipulation, deindividualization, novel, absurd, grotesque.

Тема манипуляции сознанием уже долгое время не теряет своей актуальности. Феномен является предметом обсуждения широкой общественности, научных дискуссий, публицистической полемики. Под манипуляцией сознанием понимается акт скрытого психологического

воздействия, целью которого является актуализация у объекта манипуляции определенных мотивационных состояний, приводящих к поведению, необходимому субъекту воздействия [3].

В большинстве случаев манипуляция сознанием требует индивидуального подхода, что не всегда возможно, когда необходимо воздействие на большое количество объектов, так как её эффективность напрямую зависит от восприимчивости того или иного человека. Следовательно, при манипулировании массами людей, чтобы не тратить усилия на воздействие в каждом конкретном случае, необходим универсальный механизм, при котором все индивидуальные особенности отходят на второй план, а ведущую функцию выполняет психологическая общность. Такой процесс деиндивидуализации характерен при возникновении массового сознания, которое можно определить, как особый вид общественного сознания, возникающий в момент совпадения основных и наиболее значимых компонентов сознания индивидов [1].

Иными словами, при возникновении массового сознания происходит «сброс до заводских настроек» человеческой психики и ее переплетение с сознанием других участников массы, которая в силу своих характеристик более податлива манипуляциям, чем каждый из ее элементов в отдельности.

Главным условием существования массового сознания можно считать деиндивидуализацию личности, которая возникает при вытеснении личностных особенностей человека (воспитание, образование, уровень интеллекта) базовыми инстинктами. Но трудность массообразования заключается в том, что невозможно предугадать момент, когда это вытеснение начнет работать, да и о долговременном эффекте в данном случае говорить не стоит. Следовательно, чтобы добиться стабильного процесса массообразования, необходимо скорректировать человеческую сущность таким образом, чтобы каждый человек в любой момент мог стать элементом массы.

Процесс поглощения человека массой продемонстрирован, например, во фрагменте документального фильма «Я и другие» 1971 года [7]. В фильме показан эксперимент, проведенный в двух возрастных группах: дети 4 – 5 лет и взрослые. Суть эксперимента заключалась в том, что всех участников фокус-группы, кроме одного, предварительно попросили на вопрос «какого цвета пирамидки?» ответить, что обе пирамидки, стоящие на столе, белого цвета, хотя, на самом деле, одна из них была черная. После того, как вся группа говорила, что обе пирамидки белого цвета, испытуемый, поддавшись общему мнению, отвечал, что пирамидки «обе белые», причем как ребенок, так и взрослый, не смогли объяснить, по какой причине дали такой ответ, хотя прекрасно видели, что все остальные отвечают ошибочно.

В романе-антиутопии «1984» Джордж Оруэлл описывает попытку искусственного создания человеческой массы членами внутренней партии. Превращение в часть универсального элемента массы в произведении начинается с детства путем типизации образа жизни. Основой воспитания становится гипертрофированный патриотизм, а обучение больше похоже на дрессировку: «...при помощи таких организаций, как разведчики, их методически превращают в необузданных маленьких дикарей, <...> причем они обожают партию и все, что с ней связано. Песни, шествия, знамена, походы, муштра с учебными винтовками, выкрикивание лозунгов, поклонение Старшему Брату – все это для них увлекательная игра» [4]. Любовь к партии и ненависть к врагу – основополагающие чувства юных жителей Океании, которые с малых лет приучены быть как все и делать то, что велит партия.

Семьи в традиционном смысле не существует. Браки возможны лишь по согласованию партии, взаимоотношения детей и родителей доведены до абсурда: «Стало обычным делом, что тридцатилетние люди боятся своих детей. И не зря: не проходило недели, чтобы в «Таймс» не мелькала заметка от том, как юный соглядатай <...> подслушал нехорошую фразу у донес на родителей в полицию мыслей» [4].

Одной из характерных черт толпы является ее магнетизм по отношению к индивиду, который стремится слиться с толпой, стать похожим на тех, кто уже стал ее частью. При этом ни социальный класс, ни образование, ни культура участвующих никакого значения не имеют [3].

Те же самые эмоции, как и люди из эксперимента с пирамидками, скорее всего, испытывал Уинстон Смит во время двухминуток ненависти. Он не мог объяснить себе тот факт, что не замечал того момента, когда поддавался общему порыву и испытывал на протяжении двух минут искреннее чувство ненависти, хотя не разделял взглядов партии: «В какой-то момент просветления Уинстон сознавал, что сам кричит вместе с остальными и яростно лягает перекладину стула. Ужасным в двухминутке ненависти было не то, что ты должен разыгрывать роль, а то, что ты просто не мог остаться в стороне» [4]. Иными словами, сила массы настолько велика, что просто подавляет волю индивида. То есть достаточно создать небольшую по численности толпу, и она сама нарастит свой объем, постепенно втягивая находящихся рядом людей.

Процесс типизации сознания человека демонстрируется Оруэллом путем гиперболизированного подавления развития интеллекта. Преобладание звуковых трансляций телекрана над визуальными неслучайно, оно происходит по той причине, что ассоциативные ряды, вызываемые визуальными объектами (изображение, видеоряд, напечатанный текст), трудно отслеживать. То есть визуальные объекты занимают статичную позицию в сознании, следовательно, обладают долговременной фиксацией в памяти и предрасполагают к рефлексии. Звуковое же информирование в силу своей динамичности практически исключают анализ получаемых сведений.

Казалось бы, использование видеоматериалов является эффективным инструментом по внедрению в когнитивные структуры необходимых образов. Но для создания такого видео требуются значительные затраты временных и человеческих ресурсов, которые в условиях тоталитарного режима находятся в дефиците. То есть проще сделать так, чтобы информация не запоминалась

вообще, чем оседала глубоко в памяти, провоцируя появление нежелательных размышлений, тем более что любые полученные данные меняются в зависимости от ситуации, но все должны быть уверены, что информация выглядит так же, как и прежде.

Исключение составляют лишь видеоряды, транслируемые во время двухминутки ненависти, на протяжении которых центральным объектом внимания зрителей становится образ Эммануэля Голдстейна, и «сплошь военные фильмы» в кино. Их функция – закрепление в сознании образов, вызывающих те эмоции, которые способствуют вытеснению социальных надстроек: «Словно от электрического разряда, напали на все собрание гнусные корчи страха и мстительности, исступленное желание убивать, терзать, крушить лица молотом...» [4].

Создание и введение искусственно созданного языка, новояза, структура которого подробно описывается Оруэллом в приложении к роману, играет особую роль в создании базовых элементов массы. Новояз не подразумевает полисемии, или «двоемыслия», что становится причиной выработки шаблонного типа мышления. Шаблонность мышления, в свою очередь, позволяет замедлить интеллектуальное развитие, для того, чтобы предотвратить появление «инакомыслящих» людей, которые способны разрушить сплочение массы.

Двоемыслия исключались даже из художественных произведений, т.к. они создавались специализированными машинами отдела литературы. Вместе с автором из них исчезает авторское (то есть индивидуальное) мировидение, а значит и настоящая смысловая нагрузка. Кроме того, это приводит к исчезновению воспитательных, духовно-нравственных аспектов, ценностных ориентиров, то есть к появлению «пустой» литературы, носящей исключительно развлекательный характер. Эти произведения не предполагают, как следствие, и читательской рефлексии, которая уже есть признак индивидуального, выпадения из массы, а значит, представляет угрозу.

Для массового сознания характерно идейно-образное мышление. В «1984» эта черта реализуется путем повсеместного использования лозунгов («Большой Брат смотрит на тебя», «Война – это мир! Свобода – это рабство! Незнание – сила!» [4]) и архетипический образов создателя и предателя, которые, по идее, должны работать на членение сознания жителей Океании, в прямом смысле, на «что такое хорошо, что такое плохо». Типизированное сознание, как сознание дикарей, находящее отражение в архаическом фольклоре, делит мир на «своих» и «чужих», оно чёрно-белое, не признающее полумер и полутонов, иначе возникает двоемыслие.

Эммануэль Голдстейн предстает в образе изменника, врага народа, окутанного лишь слухами и домыслами, имеющими однозначно отрицательную коннотацию. Трансформация облика Голдстейна из человека в овцу просто кричит о том, что следовать его идеям глупо, а знать о его «ужасной книге, своде всех ересей», и тем более прочитать ее – самый страшный грех.

Гротескный образ Старшего Брата, преследующий как главного героя, так и читателя с первых страниц и до конца романа, который первоначально должен был стать фундаментом жизненных принципов партийцев, образцом для подражания, совестью и судьей, в итоге становится символом тотального контроля, надзора, вместо уважения и почитания вызывает только страх и ненависть. Лозунг «Старший Брат смотрит на тебя», который, казалось бы, должен призывать к стремлению идти верным путем, быть достойным гражданином своей страны, на деле создает ощущение постоянной слежки, когда страх оступить полностью вытесняет чувства патриотизма и гражданского долга.

Старший Брат, созданный Оруэллом, давно вышел за рамки романа и стал нарицательным именем, отождествляющимся с наблюдением, слежкой, контролем. Неслучайно первое реалити-шоу в формате «подглядывания» носит название «Большой Брат». То есть телезрителю в буквальном смысле предложено примерить на себя роль Большого Брата. У. Эко [6] говорит о

том, что все мы, сами того не замечая, по сути, являемся участниками такого телешоу, ежедневно совершая обыденные действия: просматривая информацию в интернете, совершая банковские операции, посещая поликлинику, мы отдаем в распоряжение различным структурам свои персональные данные. Иными словами, пока мы наблюдаем через телеэкран за жизнью других людей, «Большой Брат смотрит на нас».

Таким образом, два центральных образа романа претерпевают трансформацию. Но если в случае превращения Голдстейна в овцу трансформация происходит фигурально, то в случае «Старшего брата» происходит смысловая подмена. И хотя эти два образа должны быть диаметрально противоположными, стать подобием Христа и Иуды в рамках модели тоталитарного государства, описанной Оруэллом, функцию они выполняют одну: вызывают чувство всепоглощающего страха.

Гипертрофированный страх исходит для жителей Океании не только от двух архетипических образов Старшего Брата и Голдстейна. Все боятся друг друга из-за возможного донесения в полицию мыслей. Все боятся думать, чтобы не попасть туда. Страх приводит к изоляции личности как от окружающих, так и от себя [5], что как ни парадоксально, так же способствует деиндивидуализации, так как кроме страха, не остается ничего.

Самым алогичным эпизодом романа является мыслепреступление и наказание за него. Сама формулировка «мыслепреступление» звучит как нечто фантастическое, но, по сути, мыслепреступление – еще один способ заставить людей перестать думать и бояться. Наказание за мыслепреступление можно возвести в ранг абсурда по той причине, что путем пыток добиваются того, что человек перестает быть человеком (процесс деперсонализации налицо). Он запуган настолько, что не может думать ни о чем другом, как о подчинении, то есть, фактически, становится готовым элементом биомассы с необходимыми характеристиками, но в этот самый момент он становится не нужным: ему временно сохраняют жизнь, а затем и вовсе уничтожают.

Таким образом, в романе Джорджа Оруэлла «1984» представлена модель тоталитарного государства, в котором массовизация сознания выходит за пределы небольшой группы людей и достигает масштабов страны. Признаками доминирования массового сознания можно считать деиндивидуализацию личности, достигнутую путем типизации сознания, и преобладание страха и ненависти над остальными чувствами. Типизация сознания, в свою очередь, вызвана специфическим воспитанием и целенаправленным подавлением интеллектуального развития индивидов. Кроме того, происходит формальная изоляция человека для сохранения и закрепления полученных характеристик, чтобы в любой момент можно было активизировать создание массы из полученных универсальных элементов для наиболее эффективного манипулирования, целью которого и было формирование массового сознания.

Список литературы

1. Виноградова Л.В. Сущностные признаки массового сознания// Общественные и гуманитарные науки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sushnostnye-priznaki-massovogo-soznaniya> (дата обращения 07.12.2020).
2. Зинченко В.П. Большой психологический словарь. М.: Машиностроение, 2009.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Эксмо, 2003. 320 с;
4. Оруэлл Дж. 1984. Скотный двор/ Джордж Оруэлл; [пер. с англ. В.П. Голышева, С.Э. Таска]. Москва: Издательство АСТ, 2018. 384 с.;
5. Хазагеров Г. Риторика Тоталитаризма: становление, расцвет, коллапс (советский опыт). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.khazagerov.com/cultural-situation/134-totalrheticsov.pdf> (дата обращения 08.12.2020);
6. Эко У. Заклятие сатаны. Хроники текучего общества / Умберто Эко; пер. с итал. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2019. 704 с.;
7. Я и другие (1971). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://youtu.be/_LYe58b-3NM (дата обращения 05.12.2020).

V. ЭКСПЕРИМЕНТ

Друзья!

Редакция журнала «Софияполис» начинает экспериментировать и предлагает опубликовать незавершенные тексты крупных исследований и монографий, призванных заинтересовать потенциальных издателей. Авторы также могут предложить обсуждение тем, которые в будущем станут полноценными текстами для большого чтения. Перестаньте «зависать над текстами» и подарите им жизнь. Разумеется, что «царского пути» к успеху мы не можем обещать, но почему бы не заявить о себе, как об авторе живых мета-текстов?

Для эксперимента и заранее «посыпав голову пеплом», предлагаю предисловие к своей еще недописанной книге «Оккультная Россия или полный вперед в прошлое». Отзывы, предложения и пожелания принимаются по адресу: dmdak@yandex.ru.

*Главный редактор «Софияполис»
Дмитрий Крылов*

Д.А. КРЫЛОВ

ОККУЛЬТНАЯ РОССИЯ ИЛИ ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД В ПРОШЛОЕ

Предисловие

Поход весной 2019 года шамана-воина Александра Габышева из Якутии в Москву для проведения обряда изгнания «демона Путина» вызвал неоднозначную реакцию. На митинге в Чите на встречу с шаманом пришла тысяча людей, что по местным масштабам готовности людей к выражению несогласия с властью уже поражает. Сам митинг был организован местным

региональным отделением КПРФ и организацией «Гражданская солидарность». Дальше, как говорится, стало занятнее, когда на подходе к Улан-Удэ с Габышевым встретились местные шаманы, стремившиеся запретить ему идти дальше. Митинга поддержки с участием шамана-воина в столице Бурятии они не допустили. Что, правда, не помешало последующим событиям, связанным с протестом местного населения в сентябре. Народ выразил недовольство выборами мэра. Среди организаторов протеста был Дмитрий Баиров, встречавший до этого шамана-воина.

Если признать шамана просто психически больным человеком, то едва ли вся реакция, связанная с захватом и возвращением «путешественника» в Якутию, выглядит адекватной. Посыпались обвинения в адрес немногочисленных представителей оппозиции, поднявших шамана на щит борьбы с правящим режимом. В ответ «Эмнести Интернэшнл» («Международная амнистия») и правозащитники призвали считать Александра Габышева «узником совести». Соответственно, в свою очередь, проправительственные СМИ и блоги стали писать и говорить о хайпе оппозиционеров на безумце. Но, если бы все окончилось только этим, то, как быть с пролонгацией репрессий против шамана Габышева и признания его опасным для окружающих некими психиатрами в мае 2020 года? Речь идет о применении карательной психиатрии в «добрых» традициях борьбы с инакомыслием в Советские времена.

Другое событие, связанное с группой Pussy Riot, произошло в далеком теперь 2012 году, когда три девушки устроили в храме Христа Спасителя панк-молебен, где призывали: «Богородица, Путина прогони!». Все они получили явно неадекватное наказание за то, что можно было бы квалифицировать как банальное хулиганство. Действие было квалифицировано по статье 213, часть 2 УК РФ, предполагающей наказание за хулиганство по мотивам религиозной ненависти, совершенном группой лиц по предварительному сговору. Естественно, что речь шла о неуважении к

верующим православной церкви. Вот только выступали они не против верующих.

Избирательность власти в оценках поведения религиозного инакомыслия можно увидеть на оценке поступка бурятских шаманов из Ангарска, которые устроили сжигание пяти верблюдов «на укрепление России и ее народов». Реакция властей, на архаическое жертвоприношение и негативную оценку происшедшего со стороны защитников животных, выглядела весьма сдержанной. Шаманы уплатили три тысячи рублей штрафа за отсутствие ветеринарных сертификатов у их жертв.

Никаких последствий не имел «круг силы», устроенный ведьмами и ведунями в феврале 2019 года «во благо России и Владимира Путина». Мероприятие прошло в центре Москвы в Доме Смирнова на Тверском бульваре. Откровенное политизированное действие, поставленное в виде спектакля, заметили только в СМИ. Как никак, а мини конвенция местного масштаба состоялась. Вот только и сторонники православия, готовые громить неправильные выставки или требовать запрета, скажем, показа фильма «Левиафан» и «Матильда», никак не прореагировали на множественные явления откровенного неоязычества и сатанизма у себя под носом. Судя по всему, их мало волнует фактически официальное насаждение оккультизма через телевидение, где тоже Рен-ТВ активно пропагандирует т.н. альтернативные знания и рассказывает о страшных теориях заговора.

Разумеется, можно сослаться на свободу вероисповеданий, которое гарантируется Конституцией России, а государство вмешивается лишь в тех случаях, когда имеют место пресловутые тоталитарные или деструктивные секты. Но тогда довольно сложно объяснить гонения, скажем, на группы родноверов, которые апеллируют к тому, что стремятся вернуться к дохристианским верованиям. Политизированная пристрастность к свободомыслию делает из них неправильных патриотов.

По мере нарастания неопределенности возрастает религиозность людей, не обладающих свойствами сильного субъекта. Их страх перед будущим

заставляет искать готовые ответы в прошлом или в пророчествах, которое, как водится, довольно неопределенны и похожи на мешанину всего со всем. Поэтому они принимают на веру любые нарративы, выдающие себя за откровения или тайнознания, способные обеспечивать контроль за настоящим. Несоответствия между ушедшим и настоящим просто опускаются. И если добавить к этому расплодившихся альтернативщиков, с их рассуждениями о неиспользованных возможностях и несвершившемся, то иллюзия прекрасного прошлого начинает приобретать зримые черты.

Впрочем, отметим, что с точки зрения автократической власти, Темные века были самой настоящей золотой эпохой. Так что идея «вечного возвращения» в прошлое имеет под собою вполне объяснимое действие. Сакральность власти обеспечивала правителей неограниченным авторитетом и обязывала подданных слепо и беспрекословно подчиняться. Разумеется, что верования в связь с высшими силами должна была регулярно поддерживаться. Поэтому и существовал институт посредников на всех этапах структурирования политической власти, от шаманов, до жрецов и священнослужителей. Особенностью же этой корпорации было то, что служители культа и сами стремились к власти. Приходилось бороться со светской властью и с себе подобными служителями высших сил, хотя, сути это не меняло. Религия и мистицизм во множественности своих проявлений прочно обосновались в коллективном сознании людей.

Погружение в Темные века выглядят как завершение модерна, когда плоды Просвещения объявляются заблуждением, а стремление человека стать субъектом в себе считается гордыней. Идеи Домостроя, Москвы как Третьего Рима, священной власти, мистических скреп и требование единоверия выглядят как реакционная реанимация архаического мира, призванного заменить собою мир будущего. Невероятно, но в XXI веке мы восхищаемся едва ли не допотопными отношениями, добрыми царями и послушными им чадами. Если сделать поправку на цифровые технологии, то получится неоабсолютизм с высоким уровнем технологий для элиты и обслуживающего

ее аппарата. По-сути речь будет идти об окончательном оформлении «вертикали власти», где во главе государства находится самодержавный монарх, автократический президент или верховный правитель.

Поэтому, так важно, чтобы архаизация общественных отношений проходила не через сферу аргументации и доводов для критического разума, а опираясь на живущее предрассудками и суевериями население. Некритические суждения, воспринимаемые в качестве расхожих представлений, опутывают сознание людей. Прирученные жить не своим умом, они недалеко ушли от своих предков с их пралогическим мышлением. Такие люди довольно сообразительны в обыденной жизнедеятельности, связанной с привычными формами труда, но они испытывают затруднения в том, что требует выбора действий на основании аргументов и мыслительного процесса. Одушевление окружающего мира и наделение его мистическими способностями формирует потребность в заколдовывании пространства. Коллективные заблуждения не подвергаются проверке, а превращаются в устойчивые нарративы. Что же до противоречий, которые очевидны для критически мыслящего человека, то, как справедливо заметил Л. Леви-Брюль в «Первобытном мышлении», пралогическое сознание их просто не замечает.

Зависшее в повторах прошлого мышление лелеет надежды на чудеса, принимая это в качестве особого проявления реальности. Накачивая мир верованиями, люди обесценивают действительность, делая ее неким вариантом далекого от желаемого существования. Не случайно, что именно фэнтези, а не научная фантастика захватила сознание как бы современного человека. Протаскиваемые контрабандой через художественный вымысел сказочные неофеодализм и автократия создают варианты правильных миров, к которым следует стремиться и бежать из этого мира. Поэтому, чтобы не делала действующая власть в этом измерении бытия, она является лишь неким прологом к власти идеальной. С учетом пассивного ожидания массами наступления «того бытия», проявления оккультизма воспринимаются ими с

пониманием, как и то, что иррациональные фантомы и символы вовлечены в обеспечение легитимности действующего правящего режима.

Так или иначе, но и власть над людьми воспринимается не только на инструментальном уровне, но и как проявление некой связи с высшими силами. Не случайно, что одним из самых сильных способов воздействия на сознание людей было обладание вождем или правителем харизмой. Харизма определяется как наличие внеобыденного или божественного дара, дающая индивидууму превосходство над обычными людьми. Харизма обеспечивает мистические права на власть, и она считается врожденной. Хотя, в последнее время, благодаря СМИ и политтехнологиям создание харизматиков не составляет большого труда. Наведенная харизма позволяет инициировать бракосочетание с высшей властью, формируя представления о богоизбранности или союзе с потусторонними силами. Естественно, что все зависит от внешних оценок, но здесь важнее всего именно то, что носитель власти не является обычным человеком.

Насаждение атмосферы сомнения в ценности научных знаний и их избыточной субъективности, критика нежелания признавать псевдонаучных изысканий учеными, обвинение их в косности, – все это способствует росту иррациональных настроений. И те же рассуждения о коллективной душе и национальном призвании или эгрегоре принимаются на уровне откровений или особого Знания, обладая которым люди получают доступ к пониманию своей цивилизационной судьбы. Благодаря Интернету и телевидению информация тиражируется, альтернативные знания о тайном мире и всевозможные адепты эзотерических «наук» промывают людям мозги. Серьезных доказательств, как правило, никто не приводит, подменяя все неким набором фабрикуемых артефактов, высказываний и намеков. Главное – это едва «приоткрываемое» покрывало над неизвестностью, перед которым скучилась толпа тайноведов. И сегодня на них есть явный спрос.

Несмотря на то, что в своей массе люди в России прошли через школьное обучение и изучали естественные науки, их способность мыслить

критически не сформировалась. То и как их учили сродни с начетничеством, механическим усвоением знаний, натаскиванием на готовые ответы. Собственно говоря, в основание такой педагогики положено не формирование самостоятельно думающей личности, а подгонка под стандарты. Людей, похоже, вообще мало интересует происхождение информации и необходимость в подлинных знаниях при вынесении суждений. Поэтому они с легкостью доверяют тем, кто принимает этот труд на себя, прикрываясь должностью, статусом, старшинством, опытом или особым посвящением. Воистину, какая прекрасная почва для процветания разного рода самозванцев и проходимцев, в том числе и в сфере оккультизма.

На инструментальном уровне формирование условий для поддержания системы власти через иррациональные каналы, скажем, взывая к тому же патриотизму, священному долгу или особому историческому пути, позволяет управлять большими группами социума. Голоса разума заглушаются пустой болтовней и спамом, поддерживая страх людей перед неопределенностью. В условиях неопределенности возникает неодолимая потребность в тех, кто способен вести за собою людей. И если такой вождь обладает или заявляет о своей власти над явлениями в этом и ином мирах, то он обретает непререкаемую власть над своими подданными. Для сравнения можно вспомнить про библейского Моисея, принявшего на себя роль спасителя еврейского народа. Демонстрируя свою верность Богу, он стал вождем, сплотив разрозненные колена евреев в единый народ. И замечу, «синдром Моисея» не утратил свою актуальность и в наши дни, особенно в авторитарно ориентированных сообществах, где массам отводится роль статистов, участвующих в воплощении в жизнь величайших проектов. Люди не рефлексируют и не понимают, что в любой момент их вождь может оказаться просто Сусаниным или Трикстером, взявшим на себя роль культурного героя.

Ведь и сама фигура библейского пророка воспринимается далеко не так однозначно, а миф о его происхождении ставится под сомнение. О научности

этих сомнений я умолчу, но если принять версию того, что египетский чиновник исповедовал веру в единого бога Ра и был последователем фараона XVIII династии Эхнатона, то его история и злоключения еврейского народа могут быть рассмотрены уже в другом аспекте. Привлечение мифологии оказывается универсальным приемом для достижения политических целей в результате массового воздействия на народ или социум. В современной России аналогичное воздействие оказывается на население страны, которому рассказывают истории о князе Владимире Красное Солнышко, крестившем Русь, и последовательной линии благородных правителей, заботившихся о благе своего народа и страны. Линия эта, естественно, доводится до нынешнего руководителя уже Российской Федерации – Владимира Путина. Он также получает миссию по формированию своего правильного народа и борьбы за землю Русскую с врагами нечестивыми и их пособниками. Благо, что нашлись и соответствующие «изыскания», подтверждающие происхождение родословной Президента России чуть ли не от тверских князей.

Мифотворцы видят в людях лишь ресурс, а не субъект отношений, с которым надо выстраивать равноправные связи. Для них ценностью является иерархия, закрепляющая сакральное устройство мира и понимание того, что власть дается свыше, т.е. не зависит от воли самого народа. Поэтому они и не видят ничего зазорного в возрождении монархического самодержавного строя. Главное, чтобы сознание людей соответствовало архаической модели организации власти. Насаждаемые в принудительном порядке оккультизм, мистика, церковная ритуалистика и моральные увещания отнюдь не случайны. Так формируется и поддерживается необходимая для существования такой власти форма пралогического мышления с его магическим мировосприятием.

Впрочем, оккультизм оказывается, как говорится, палкой о двух концах. Им нельзя заниматься, не становясь частью специфических верований. В определенном смысле можно говорить и о взаимосвязи между оккультизмом

и развитием гибрис-синдрома, болезни самонадеянности у руководителей, которую описал Дэвид Оуэн. Этот своеобразный комплекс гордыни связан также и со страхом потери популярности и боязнью утраты влияния на людей. Доступ к ресурсам, подобострастие чиновников и ощущение своего превосходства не обеспечивают психологического комфорта, поэтому даже отъявленные диктаторы нуждаются в любви к себе. Да и слава не бывает достаточно долгой, а харизма неизменной. Приходится ревностно следить и за всевозможными конкурентами, готовыми при удобном случае захватить место на Олимпе. Всегда есть ощущение и того, что власть неполная и временная. Ведь та же смерть ждет правителя, каким бы всемогущим он не казался. Это не может не уводить человека от здравого смысла, делая его заложником «обещаний» и предзнаменований из тайного мира.

Устремленность правителя в сторону мистики оказывается сложным и противоречивым явлением, которое не следует игнорировать. Через него в этот мир проникают мировоззренческие представления ушедших эпох. При этом развитие техносферы используется не в плане развития условий жизнедеятельности, а для исключительно только обеспечения архаического феодально-милитаристского существования. Так что, цифровой феодализм вполне может ужиться со средневековой мистикой. Идеи гуманизма и свободомыслия, как и критическое мышление, окажутся гонимыми в этом неотрадиционном мире. Не думаю, что и новоявленные гностики спасутся от преследований. Всё, что не будет соответствовать внешним и обязательным ритуалам и вызовет желание сомневаться, подвергнется наказаниям.

Если есть сомнения в написанном здесь, то автор предлагает понаблюдать за происходящим как бы со стороны, не примеряя на себя тогу патриота или считая, что всё, так или иначе, будет хорошо. Сошлюсь на мнение Семена Резниченко, полагающего, что «установление к 2025 году в России раннего неофеодализма очень и очень вероятно. И процесс перехода к нему для большинства будет крайне некомфортным» (Неофеодализм: как к нему переходить). Процессы изменений в политико-социальном организме

идут постоянно, и симптомы, говорящие о заболевании, проявляются все сильнее. Оккультизм становится неотъемлемой частью нашей жизни, угрожая разуму и способности людей мыслить самостоятельно. Адепты этих изменений отнюдь не заинтересованы в расколдовывании мира, погружая нас в реставрируемые Темные века. Именно под этим углом и рассматриваются нынешние отнюдь не безопасные трансформации российской государственности, руководит которыми Владимир Владимирович Путин.

Я не открываю что-то прежде не известное, а лишь прошу задуматься над тем, что уже имело место в истории и вновь стремится к повторению. Как говорится, история повторяется, нет, не дважды, а многократно. Снаряд летит опять в нашу воронку. Поэтому и прошу в любом случае считать мою книгу предупреждением.

Год железной Крысы – год железного Быка

Структура книги (предварительная)

Предисловие

Глава 1. Приручение оккультизма и борьба с диссидентами в прошлом.

Глава 2. Из истории борьбы в России с колдунами и ведьмами.

Глава 3. Утро, день и вечер магов.

Глава 4. Китайское проклятие или чтобы вам вечно жить во времена перемен.

Глава 5. Нострадамусы всего мира, объединяйтесь.

Глава 6. Эра астрологов, телевизионных магов или с Таро по жизни.

Глава 7. Цифровое крепостное право и новые культы на старый лад.